

Шелег Игорь

БОРЕЦ

Нужно просто остаться в живых

16+

Игорь Витальевич Шелег

Борец. Нужно просто остаться в живых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730348

SelfPub; 2022

Аннотация

А ведь я самый обычный парень. Родился, учился, ходил в тренажерку, в секцию самбо. Ума великого в школе не нашёл, пошел в армию. С подачи тренера попал во внутренние войска. Нет, не в спецназ. Так, демонстрантов разгонять да улицы патрулировать. Отгулял дембель и проснулся... в другом мире, где орки идут войной на средневековые города, властвует магия, а всякий чужак сразу оказывается в закупах. Что же меня ждет – смерть, рабство? Нет! Я разберусь, я во всем разберусь, нужно просто остаться в живых!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	31
Глава 3	56
Глава 4	81
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Игорь Шелег

Борец. Нужно просто остаться в живых

Пролог

«Да здравствует ДМБ-2014»

Наконец – то еще один жизненный этап пройден. Теперь все будет по – другому. Ушла из жизни противная каша, малый сон и постоянное воспитание и наставления. Немного езды в поезде, и вот я уже дома. Я, Влад Миронов – дома!

На улице тепло, на небе ни тучки, ветер дует прямо в лицо. И воздух такой сладкий, наполненный свободой. До сих пор я не могу поверить, что все уже кончилось. Лицо озаряется довольной улыбкой. Я счастлив!

Иду уверенно – прямая спина, высоко поднятый подбородок. Девушки с интересом посматривают на меня, уж я-то знаю, да и любой дембель знает. Тот день, когда ты, герой, идешь в своей красивой опрятной форме, уверенный в себе на все сто. И какие бы трудности тебе не предстояли, ты отслужил и теперь время отдохнуть, все остальное подождет.

Такой родной город, знакомые улицы, дома. И где – то что

– то изменилось, и ты чувствуешь это. И ты чувствуешь, что и сам изменился. Стал другим, стал по – другому оценивать людей и их поступки.

Родные места заставляют окунуться в воспоминания. А ведь я самый обычный парень. Родился, учился, ходил в тренажерку, в секцию САМБО. Ума великого в школе не нашёл, пошел в армию. С подачи тренера попал во внутренние войска. Не, не в спецназ. Так демонстрантов разгонять, да улицы патрулировать. Девушки нет. Не нашёл я себе еще по сердцу. Вернее тогда еще не нашёл. А сейчас и рад. Ведь сколько ждать? Всего лишь год. А многие не дожидались своих парней. Не та любовь.

Вот я и дома. Позвонил заранее, обрадовал, да и сказал, чтобы подготовились. Мама плакала, отец пустил скупую слезу да по чарке налил. Сестры близнецы всю скакали по квартире. Им по шесть – хорошие девочки, лучше, чем я.

Заходили соседи. Как же без них – вернулся сосед с армии. Мужики руки жали, женщины целовали и плакали, все причитая: «Ох, как возмужал! Такой взрослый стал!»

Как будто я раньше маленьким был? Рост метр восемьдесят пять, вес восемьдесят пять. В качалке восемьдесят – рабочий вес. Короче, парень ладный, да и на лицо не урод: приятное, светлое, чистое без всяких прыщей, высокий лоб. Глубоко посаженные, какого – то болотного цвета, глаза напоминали неандертальца из учебников по истории, но все сходство убивал прямой нос, припухлые губы и волевой под-

бородок.

А соседки все с улыбками да по десять раз причитали: «А что делать будешь? А куда работать пойдешь? А может тебя с моей Дашей, Мусей, Пусей познакомить?»

Но даже такие настойчивые вопросы не выбивали меня из колеи и не портили настроение. Приходилось вежливо улыбаться, да отвечать: «Пойду учиться, если не получится работать. А с Пусей я с детства знаком, в одном подъезде же живем».

Так закончился мой первый день после дембеля. На второй я уже с пацанами своими – в беседке.

Девушки пришли.

Я центровой. В дембельской форме, берет на затылке. Байки травлю. Что? Как? Где? Старое вспоминаем, смеемся.

Потом Костя, гад, что б ему икалось, водки приволок. И как в том анекдоте: «На одну бутылку – сырок закуска». Что мы там делали, я не помню. Только помнится яркий свет, и как я к нему тянулся.

Проснулся от холода. Лежал на камнях, острых и влажных, что мне определенно не нравилось. В горле пересохло, язык как наждак, во рту реальная Сахара. Все тело затекло и было как неживое.

С кряхтением стал на четвереньки, левая сторона практически не слушалась. Форма влагой напиталась и неприятно ощущалась на теле. Кое – как встал, походил, чтобы кровь разогнать. Когда самочувствие мое улучшилось, ре-

шил осмотреться, куда все же меня нелегкая занесла.

Как ни странно, оказался я на полянке, окруженной кустарником, как я туда попал, не представляю. Мне от той беседки, где мы пить начинали, до леса – около десяти километров, не мог же я просто так сюда пойти. Да и еще и через весь город. Деревья какие – то странные, хвойные, но таких я раньше вроде не видел. Что – то похожее на ель с сосной.

Значения тогда этому не придавал, мне б согреться, да людей каких –нибудь найти, может, я не один сюда пришел. Было необычно холодно для середины лета. Возможно это потому, что я в лесу, да и сыро тут. Поднял у кителя воротник, да руки в карманы засунул. Вроде уже не так холодно стало. Посмотрел по сторонам. В какую сторону идти – непонятно. Придя к выводу, что пути я не знаю, начал ходить по кругу, начиная от той полянки, где очнулся, пытаюсь найти хоть какой –нибудь след. Ни около полянки, ни рядом ничего похожего на следы не нашел. Внутри поселилось смутное беспокойство, но я просто забил на него. Шел я недолго, минут пять, и вышел на опушку, а там увидел, то, что заставило меня зайти обратно в лес.

Примерно в километре от меня располагался город. Да не простой город, а город из средневековья, вокруг него была стена метров шесть в высоту, хотя с дали так сразу не скажешь.

Это же надо, стену из булыжников построить! Да еще вокруг города.

Про такое я даже не слышал. Невероятная картина заставила меня отойти в лес. Я спрятался за широкое дерево, что бы не выделяться на фоне леса и решил осмотреться.

Слева пролежала дорога, она подходила к подвесному мосту, на ней скопилось много людей с лошадьми и повозками явно выделялись границы рва. На входе у ворот стояли стражники в доспехах, в глаза бросились щиты и древки копий под два метра. Это был последний удар.

Начиная паниковать, я начал отходить назад в лес, что бы не видеть этой картины. Мысли в голове метались роем. Что это? Где это? Может меня закинуло в прошлое? Что делать, в конце – то концов? Как – то этому меня нигде не учили. Но ведь можно же подумать головой! Думай!

Для начала нужно узнать, где я нахожусь. Может это просто розыгрыш? Ага, конечно, выскочит сейчас Валдис Пельш с цветами из – за кустов.

Непонятно до чего бы я додумался. Но сзади хрустнула ветка, и не успел я повернуться, как в затылок что – то врезалось, и сознание меня покинуло...

* * *

Верховный Шаман степных орков Ир'Кхул был еще довольно молод для своего народа. Всего сорок девять лет. По телосложению он ничем сильно не отличался от остальных, такие же кривые ноги, толстый зад и когтистые руки. Разве что пониже был да похудее, но это была отличительная черта всех шаманов оркского племени. По менталитету он тоже

не много от них отличался: такая же природная лень, которая заставляла не доделывать все до конца, злоба на остальных своих сородичей, черная зависть. Можно было сказать, что создатель наделил их силой и звериными рефлексами, забрав мозги и наградив только отрицательными, злыми чувствами. Но это не так, просто орки находились на своей определенной стадии эволюции. И тупыми они тоже не были. Потому что с возрастом набор навыков и умений, независимо от того хочет орк или нет, растет. Поэтому в племенах орков всегда почитали шамана, вождя и стариков.

Верховный Шаман как никто другой из орков работал и решал какие – то проблемы. Так и повелось, что решая какой – то вопрос, он рос духовно и, в конце концов, заметил, что зря кланы воюют друг против друга. Их уже много, степь не вмещает всех орков. И если они, орки, хотят побрякушек, красивых тканей и рабов, которые бы делали работу за орков, а этого хотели все орки, то нужно сходить к людям и забрать. Различные орочьи племена нападали на приграничные деревеньки. Но, правда, после этих походов приходил акт возмездия в лице баронов и их дружин. Они забирали все, что находили, себе. Но что – то и оставалось. Например, Верховный имел бокал из серебра и хороший нож. Такие вещи являлись его личными атрибутами власти.

Сейчас Ир'Кхул собрал всех вождей и их шаманов и пытался донести эту простую вещь. Они могли все обладать такими вещами и иметь еще большее уважение. При его вы-

ступлении он, так или иначе, трогал свой нож, не потому что хотел таким образом воздействовать на других орков, а потому что это ему очень нравилось. А у всех присутствующих, естественно, текли слюнки, в мечтах они сами ходили с этими острыми железными клыками.

Каждый из вождей это понимал, но не понимал другую, не менее сложную по своему исполнению, мысль. Как им забрать вещи у людей, если они потом приходят и все отнимают? И тогда Верховный сказал: «Собраться нужно всей толпой. Всеми племенами».

– А кто командовать будет? – спросили вожди. Как и другие орки, они не любили работать и подчиняться. Тогда, посмотрев на своих шаманов, он понял. Командовать будет вождь, у которого больше воинов. С этого момента можно считать, и пошло развитие племен орков. Ведь как говорится: «Лень – двигатель прогресса».

Глава 1

– Господин сержант. Нарушитель задержан, – бодро отпартовал молодой стражник. Отец его был охотником, пока в город не перебрались, поэтому говорят, даже к лесному Моргу может пробраться на спор. Короче, парень нужный, но еще всей службы не знающий.

– Ох, ты ж, дите тролля вонючего! Ты чего орешь, как на базаре?! А если он не один? Спугнешь ведь! – прилетело из кустов.

Молодой сразу же начал водить головой справа налево, выискивая неведомую опасность.

– Господин сержант, он тут один, – с укоризной проговорил паренек. – Мы же с Вами все уже вокруг осмотрели. Тут только его следы, другие я бы заметил.

– Ты давай не умничай! А всегда настороже будь, тогда может быть, и доживешь до моего возраста. Тогда таких же сопляков, как ты сейчас, и будешь учить по – новому. Усек? – и, получив утвердительный кивок, сержант Гулад продолжил, вылезая из кустов: – Ну что же, давайте посмотрим, что за рыба попалась к нам в сети.

А посмотреть было на что. Парень, которого они поймали, был, по крайней мере, странен: необычно короткая прическа выдавала в нем чужака, был он одет в непонятную одежду

разных цветов, удобные с виду сапоги, здоровое тело и руки. От этого парня просто разило армией. Своим чутьем Гулад понял, что это форма, причем форма военная. Такая форма была у солдат Понора. Очень уж похожа, но и сразу видны различия: ткань более качественная, другой фасон, совсем другой вид, какие – то белые висюльки. Гулад заметил, что и сам не прочь походить в такой.

«Может, аристократ?» – промелькнула мысль. На рукавах были какие – то картинки. Такие точно для обычного воина делать не будут.

Поэтому Гулад и смутился: «Напасть на аристократа, да еще и другой страны?» За это можно и на виселицу попасть и начальство никак не заступится, даже если это не сын какой – нибудь важной птицы. И все бы ничего, можно было и прикопать чужака чуть что, парни у него понятливые, он бы их убедил, но сегодня особый случай. Сегодня им навязали мага «Для адаптации в армейских подразделениях».

Ну, это так, слова для нас, обычных служак. Обычно ученики магических школ просто сидят в канцелярии и общаются со всеми, показывая свою значимость.

Ага, как же! Оставят они их у себя. Просто эти студенты потом пишут всякие бумажки про стажировку. Много буйных и дурных голов из администрации полетело из – за этого. Поэтому и отправляют каждого нового мага куда подальше от администрации. Что б, не дай Единый, не заложил этих толстых крыс. Гулад аж сплюнул от досады, они там жируют,

а ему с этим пацаненком мучиться. Он якобы уловил какое – то странное возмущение, и прямо – таки приказал ему пойти проверить. Еще грозился доложить куда надо. Щенок! Хотя взяли же кого – то непонятного.

Треск ломаемых веток и едва слышные ругательства. Что он там застрял?

– Хах, – едва слышно засмеялся сержант. Это ж надо! Молодой маг отвоевывал свою мантию у куста. Он только что услышал треск ткани.

Пойти в лес на отлов шпионов в мантии. Видимо книжек начитался, как мудрые и сильные маги ходили в походах в мантиях и от этого на тысячу врагов больше побеждали. Хе – хе.

У сержанта сестра работала младшей помощницей в библиотеке. Послушать ее истории вся семья собиралась. Иной раз такого наслушаешься, что не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться.

Королем Эдмусом Вторым еще лет пятьдесят назад был подписан указ, по которому молодые маги после каждого курса своих школ и столичной академии отправлялись на стажировку в армейские подразделения, пусть то будет стража или дружина дворянина, не суть важно. Главное сам процесс. Естественно отдавать приказы им могли только капитаны да полковники, ну или дворяне, на всех остальных маги обычно смотрят свысока, и даже самый захудалый маг так же будет делать.

А вот и он, маленький принц. Весь грязный, видимо пал, порванная в нескольких местах мантия, но все такой же надменный взгляд, прямая спина, полковой маг говорил, что парнишка по силам даже ниже среднего, а ведет себя как архимаг на прогулке.

– Ты! Троллинный кусок дерьма! – это он на Грона. – Ты не мог его сильнее ударить, чтоб башка вообще оторвалась? Ты ему голову проломил! Как мы теперь узнаем кто он? А может, он оркский шпион? Разнюхивает, как в город пробраться. А если ты не знаешь, у нас с ними сейчас война. Они, в народе говорят, так две крепости взяли разведкой.

Да, конечно, старый сержант был согласен с магом, орки в этот раз идут вперед, уничтожая все на земле. Но только тот, кто не имел с ними никакого дела, мог подумать, что орки могут кого –нибудь подкупить. Они не способны отдавать что –нибудь даже за такие услуги.

Но кому – то очень выгодно, чтобы была такая версия. Ведь тогда гораздо проще объяснить, как их застали врасплох. Кто – то придумывает всякий вздор, чтобы прикрыть свою задницу, а они и отлавливают всякий сброд в лесу. И даже кто – то, оказывается, этим рассказням верит. Но все же Грон – это его подчиненный, а этот чванливый молокосос так ему надоел, что он решил его на место поставить. Даже если парень захочет помериться силой, ничего страшного не приключится. Даже не маг – всего лишь ученик, причем не самый сильный. Чуть что, до него два шага, амулет Таля за-

щитит.

— Ты, господин маг, делом своим займись, — по — змеиному с угрозой прошептал сержант, — информацию с него добудь, а своих парней я сам буду учить, что и как делать. Причем не башка у него проломлена, а кожу рассекло. Святая Клавдия Целительница! — уже проявлив сержант.

Порывавшийся было что — то сказать маг тут же, заткнулся, встретившись взглядом с сержантом. Видимо еще одним аргументом стало то, что сержант достал из — за кожаной брони амулет.

Маг Мирт Ленсон был студентом магической школы в Штольде, одном из самых крупных городов Марида. Родившись в бедной крестьянской семье, в которой помимо него было еще четыре брата и три сестры, он не ждал от жизни поблажек. Однажды мимо его деревни проезжал маг. Заехав к колодцу набрать воды, он заметил мальчика с даром. Небольшим, но дающим возможность обучаться в школе. И выкупил его у семьи за два золотых. Самим магам за найденного человека с даром выдавалось десять золотых. Так мальчик и стал магом. Был он с редким магическим даром, магом — универсалом, такие никогда не были сильными, чтобы стать мастером, требовалось долго и упорно изучать одну из стихий. Именно поэтому универсалу стать даже мастером вряд ли светит. Будет всю жизнь подмастерьем, хотя и это обеспечивало безбедную старость. Даже если он после пятнадцати лет отработки захочет остаться на службе. Хотя смотря на

этого сержанта, парень чувствовал предательский холодок. И теперь не так радужно смотрел на перспективы остаться где – нибудь в страже.

Да его может убить этот сержант. Не струсит. Заклинание сразу не сформировать, да и если кинешь... не факт, что амулет пробьет. Уже давно известно, что маги вырождаются и с каждым годом становятся слабее, но все еще маг – это уважение и почет, так что есть еще ради чего пожить. А там один взмах меча и нет будущего у молодого мага Мирта Ленсона. Поэтому не стоит развивать конфликт, а наоборот, заслужить уважение делом.

Парень был упертым, много учился. Но ментальная магия так и оставалась для него сложной, из нее он знал только два заклинания. «Мозголом» давал возможность вести допрос и «Перенос знаний» – старое заклинание, которым пользовались маги для обучения своих личных учеников.

Это был его первый выход в поле, как говорили ветераны. И Мирт очень стеснялся своей неуклюжести и бесполезности. Все пять стражников были сильными и обученными, а Мирт настолько часто сидел за книгами, что просто растерял все желание не только бегать, но и ходить. Также «Мозголом» может и не получиться. Поэтому, желая сохранить хоть часть своего авторитета мага, решил убрать стражников с полянки. Если попробовать их попросить или угрожать, то они не послушают, а будут только мешать, в то время как магия, особенно такая, которой редко пользуешься, требует

сосредоточения. Но все же Мирт был образованным, а это крестьяне или горожане, хоть и в форме.

– Только отойдите, не мешайте, а то и ваши мозги может заклинание задеть.

Все как по мановению ветра испарились, что и не видно. В шагах пяти присел сержант. Ему с его амулетом можно и не бояться слабого заклинания, хотя он вряд ли это понимает.

«Ну, хоть так», – подумал Мирт и слабо улыбнулся. Поле боя осталось за ним, теперь главное не напортчить и выиграть войну.

Зачитал над этим странным парнем заклинание «Малого исцеления», а то окованной палкой по голове он получил знатно. Это только те, кто часто практиковался, могли быстро и без невербальных форм их использовать. Мирту же пришлось попотеть, да, точно, кость белеет непробитая, только кожу сняло. Как голова не треснула? Видно крепок очень.

– Ну, после такого удара он вряд ли сразу встанет. Можно не волноваться, – сказал Мирт сержанту после применения заклинания.

Но нет. Парень об этих выводах мага не знал. Он открыл глаза. И сразу зарядил в ухо магу, склонившемуся над ним. Да так, что в ушах зазвенело. Потом единым слитным движением поднялся на ноги и, уходя от длинного, рубящего сверху вниз, удара, схватил сержанта за руки. Ведь бил именно он, и, проведя бросок, расстелил того на земле. Больше ничего сделать не успел, ему в голову прилетел фиолетовый сгу-

сток. Коротко вскрикнув и схватившись за голову, он упал и лишился чувств.

В ту же секунду на поляну вбежали и остальные стражники, несмотря на слова мага, они далеко не ушли. И услышав звуки потасовки, сразу же помчались на подмогу командиру.

То, что они увидели, заставило их удивиться. Посреди полянки лежал и стонал, держась за спину один из лучших стражников города, хороший боец, который мог дать фору даже некоторым дворянам. Рядом с ним согнулся тот странный парень, которому от силы дашь лет двадцать. И шатающийся маг, у которого одно ухо стало заметно больше другого.

– Ну что встали, ослы? Давай, помогай подняться...

Пару часов спустя то же место.

– Дак, что это, Мирт, значит, он таким дураком и останется? А не может он прикидываться? – спросил сержант, потирая ушибленный копчик рукой и смотря на «шаморского шпиона».

– Да не может он прикидываться. Я точно говорю! – с жаром воскликнул маг. – Уже всем миром доказано, что это заклинание надо строго дозировать. А если его так кидать, то оно просто сжигает мозги. В Хинде так раньше самых ярых врагов казнили, отдавая им память другого человека и сводя с ума постепенно.

– Да ладно, – примирительно поднял руки сержант, – мы – люди маленькие, в магии не понимаем, и вот что с ним де-

лать, я тоже не понимаю. Одет он прилично, посмотрите, какая ткань, такую даже я не видел никогда. Силен и умел, еще чуть – чуть и разделал бы нас под орех. Руки некрестьянские, видны мозоли как от меча или дубины, видно практиковался. Значит, воин. Но коротко подстрижен, значит, не аристократ. Такой моды ни у кого не было. Шпион? Но что тут делает? И почему припасов нет? Даже сраного кинжала и того нет. И даже следов других нет, как будто он из воздуха появился. Но если он чей – то воин или, не дай Единый, аристократ, нас всех ждет виселица. Вы понимаете? Да... и тебя, маг, – сказал сержант, заметив, как переменился тот в лице.

– Господин сержант, – это Торвус, – он же тут явно вынюхивал что – то, нас за него не накажут.

– А это, поверь мне, никого не интересует, – на самом деле ему было плевать на парня. Сержант не имел никаких душевных терзаний, только накручивал обстановку. Беднягу было даже жалко, и можно было его даже тут в лесу и кончить, но тогда придется как – то делить то, что от него осталось. А на такие вещи у него имелся знакомый скупщик.

– У меня есть идея, – сказал сержант, оглядев всех, кто был у костра. То, что пришло ему в голову, было гениально и просто, но требовалось быть уверенным в своих парнях, что не заложат. – Когда стемнеет, пройдем через Восточные ворота, там мой свояк стоит, пропустит. На этого найдем одежду какую –нибудь и в загон к закупам определим из баронства Ситл, их много, там и затеряется. Скажем, что чело-

век их, пусть и возьмется. Старые вещи я спалю. Только если об этом узнают, нас точно повесят. Поэтому каждый должен забыть этот день и не трепаться в тавернах или на страже. Все прошло, как обычно, ничего не случилось. Всем ясно?! – с нажимом произнес сержант, глядя на каждого. Сейчас он был похож на коршуна, которому стоит только увидеть добычу, и он на нее набросится и разорвет. Ответом ему была тишина. Каждый не хотел умирать. Хотел жить еще долго и желательно хорошо.

– Ну что ж, – сержант вздохнул с облегчением, – значит так и сделаем. В этот момент он радостно перебирал в уме эти желтые приятные кругляши. О том, что его подопечные догадаются, в чем подоплека, он не волновался. Если они и догадаются, будет уже поздно, он скажет: спалил! Поверят, никуда не денутся.

А ночью в камере закупов на одного стало больше. Из начальства никто так ничего и не заметил. Только закупы, но кому они расскажут?

Сознание возвращалось медленно. Еще никогда мне не было так плохо. Глаза я открывал, но видел перед собой все в красном, уши были, как будто заложены. Все тело как в мурашках. Живот крутило от голода и били спазмы. Ко мне подходили какие – то люди, что – то говорили. Я понимал, но ответить не мог, так мне было плохо. Меня накормили какой – то кашей. Это придало мне сил, но сознание опять уплыло.

Не знаю, сколько я так пролежал, но проснулся от того,

что меня пытались накормить какой – то отравой. Я начал вырываться, но меня держали крепко, вонючий напиток прошел через пищевод, оставляя там огонь и горечь внутри. Внезапно все прекратилось. Я ощутил себя лежащим на чем – то холодном и твердом. Осторожно открыл глаза, ничего не кружилось, желудок больше не собирался выскочить из горла. Надо мной склонились какие – то мужики, и тут один другому говорит.

– Вот видишь, Лерт, горький корень кого хочешь, на ноги поднимет. Зови капрала, очнулся страдалец.

– Где я? – спросил я у него.

– Как где? В рабстве. В закупках у Нектора Марсена, – и сказав это, сплюнул. – Все мы тут такие.

Мужик, который тут, по – видимому, был главным, представлял собой колоритный персонаж из учебников истории. Не огромный, но крепкий, в штанах и рубаше, подпоясанной широким кожаным ремнем, на ногах были сапоги, борода до середины груди и длинные волосы, голос же был глубокий и громкий, как из динамика.

– А я тут за что? – ответом мне был смех, от которого моя голова забила колоколом. – Ох, парень, и горазд же ты шутить. Ты у нас спрашиваешь? – это, похрюкивая, спросил тот самый Лерт, который ходил за стражником, сам он несильно отличался от главного, разве что борода покороче, а в принципе они все были одеты однообразно. – Дак ты ж тут без памяти уже третий день лежишь, мы уж думали, что ты труп,

но нет, ты иногда ворочался и начинал что – то орать. Наверно матерился, бо так дивно лаял, я аж заслушивался. А потом капрал увидел тебя и сказал: в чувство тебя не приведем – кормежки не получим, да и головы он нам по-отрывает. Как тебя звать – то? Откуда ты? Тебя тут никто не знает.

– Я... я... не знаю. Я вообще ничего не знаю... – как можно истеричнее попробовал я сказать, по – моему, получилось неплохо. Нервы все же сдают, и играть не надо. Я прямо – таки физически оценил всю ту лавину из событий, которая навалилась на меня. «Главное, что бы поверили, поверили».

– Да уж, – сказал тот, которого я окрестил главным. Ладно, парень, ты тут посиди, в себя приди, может, вспомнишь чего. Скоро жрать принесут. Возьмешь себе порцию. Мул, наложишь ему, – это он мужику, что стоял справа от него. – Меня, кстати, Батькой все кличут, это Мул, Ксандр, Лерт. Мы с села Ясная поляна, что в баронстве Ситл. Может, слышал? – но, не увидев ожидаемой реакции, продолжил: – Со всеми перезнакомишься еще. Торги будут через неделю. У нас тут имена не у всех, поэтому по старой наемничьей традиции дадим тебе прозвище. Будешь Чудной, а то глаза навывкате будто и не видел никогда, – опять все засмеялись, даже не засмеялись, заржали. – Ладно, отдыхай, не будем мешать. Возникнут вопросы, подходи, покалякаем.

Сил отвечать у меня не было, просто кивнул. В душе царил смятение, я не знал, что делать. Меня охватила странная апатия. Странные люди, странная обстановка. Я попал

в другой мир для того чтобы стать рабом. Слово закуп я хорошо понял, особенно если учитывать то, что торги через неделю. То, что я чувствовал, невозможно передать словами. Хорошо, что я догадался прикинуться потерявшим память. Так бы меня вмиг раскусили и непонятно что бы со мной сделали эти дикари. Последнее что я помню, это как бросил того мужика в доспехах, дальше резкая боль в висках и какое – то время без сознания.

То, что скоро принесут еду, я почувствовал по возросшему напряжению среди обитателей этой камеры. Буквально еще секунду назад были тихие переговоры, но потом послышался смех и веселье. Света было мало, он проникал из каких – то окошек высоко под потолком, видимо это была еще и вентиляция, со своего места я хорошо видел, как шатается паутинка от ветра. И поэтому хоть и был полумрак, но это не помешало мне осмотреться. Камера была где – то двадцать на двадцать. Стены из больших каменных блоков. Затхлый воздух, вонь парашаи и немых тел. Людей было много больше, чем нар, начав пересчитывать, сбился на пятидесятом. Вдоль стен стояли двухэтажные нары. Все было занято. В центре – большой стол и две лавки по бокам.

Еда, которую в большом котле приволокли такие же бедолаги как мы, не отличалась особой пикантностью. Какая – то непонятная субстанция. Раньше я бы такого не ел, но желудок настойчиво желал свою порцию. Получив в деревянную миску каши и в такой же деревянный стакан воды, пошел в

свой уголок кушать. Приборов ни у кого не было, пришлось есть руками. Было конечно не очень вкусно, а точнее вообще невкусно, но желудок чем – то нужно было наполнить. Поев, так что и крошки не осталось на тарелке, подстелил под себя соломы, устало привалился и лег спать. О том, как я сюда попал, буду думать потом.

Так пошли мои дни, я ел, спал и слушал окружающих. Грубо говоря, собирал информацию. Люди, которые попали сюда, были закупам с баронства Ситл Осень в прошлом году дала мало урожая, и когда нужно было платить по счетам налоги, было уже нечем. Отдать последнее значит заставить свои семьи умирать. Пришлось мужикам да старшим детям продаваться в закупы, рабочие руки всегда нужны. А через десять лет и выпустят за отработку. Там можно будет и вернуться. К тому же они несильно и горевали, у хорошего хозяина, особенно если хорошо работаешь, будешь хорошо кушать и получать деньги. А там, если понравится, можно будет и остаться.

Еще очень интересно было слушать рассказы, больше похожие на байки. Оказалось, в этом мире есть магия. Магов было мало, и они ценились буквально на вес золота. Чем больше магов у короля, тем сильнее страна представляет себя на мировой арене. Говорят, маг может справиться с сотней воинов. Слушал я эти байки также внимательно. Мне нужно было адаптироваться и быстро, поэтому, делая из себя простачка, с глупым лицом задавал, по мнению окружа-

ющих, такие же глупые вопросы. Так мое прозвище получило подтверждение. И уже вчерашний крестьянин, которого я спрашивал, хлопал меня по плечу и объяснял с видом доктора наук. Такое положение дел бесило меня очень сильно. Я никогда не был пустым местом или дураком и не собираюсь им быть, и как бы мне не хотелось скинуть руку, я должен терпеть. Для меня все было очень серьезно.

Да, попал я прямо в ад. Но как говорил наш взводный: «Покой нам только снится». На мне уже были холщевые как из мешковины рубаха и штаны, когда я ходил за едой, то в пятки стреляла тупая боль от холода, ноги ужасно сводило от прямо – таки ледяных камней, приходилось прыгать обратно на солому, я хотел быть хотя бы в тепле. Не было не только какой – либо обуви, но даже ткани на портянки, чтобы хоть как – то держать ноги в тепле. С каждым часом, проведенным тут, счет к тем, кто меня сюда отправил, рос в геометрической прогрессии.

Делать было откровенно нечего, а придумывать, как я буду мстить, было непродуктивно, и тогда у меня родился план. Мне нужна была хорошая одежда, обувь и больше еды. То, что я ел, мне хватало буквально на полчаса. Видно организм истощен, и чтобы выйти отсюда, нужно быть сильным.

План мой был прост. Вчерашние крестьяне, оказавшиеся тут, имели кое – какие вещи. У кого две рубахи, у кого двое ремней, у кого тарелка. Это была твердая валюта, и на нее всегда был спрос. А играли здесь в кости. Конечно, игра не

хуже других, но чтобы победить в ней, требовалась удача, а рисковать я был не намерен. К тому же почему – то чаще выигрывали одни и те же лица.

Как только компания, рядом с которой я сидел, начала играть в кости, я понял – это мой шанс.

– Глупая игра, – спокойно, издали, начал я. Сразу несколько пар глаз с удивлением уставились на меня.

– А, это ты, Чудной. Ну, правда, кто еще может про кости такое сказать, – ответил Трэвор, бывший мельник. И громко засмеялся, ему вторили голоса собеседников. А у тех, что рядом с нами появляется интерес.

– Чудной, вот ты подумай. Вот что нам тут делать, как не в кости играть? Во, сапоги, видишь, – говорит он. – Эти сапоги я выиграл недалече как вчера у Фтора Кузнеца. Так что не было бы костей, ходил бы в старых. А эти еще прослужат, – и опять засмеялся, сейчас с ним смеялось чуть не полкамеры. – Да и во что нам играть, кроме этого и нет боле ничего. Так что проигрыш – это свято.

Спокойно, Влад, все пока идет по плану. Говорить было тяжело. Сердце билось как заведенное. Кровь прилила к лицу, хорошо, что внутри полумрак и никто не видел моего страха. – Ну, есть одна. Называется ручная борьба. Два мужика ставят руки на стол, – показываю, как и кто кого победит. – Так тоже можно сапоги выиграть.

– А зачем нам это, Чудной? – спросил незнакомый голос из темноты.

– А вот это нам скажет Трэвор Мельник, – перевел, как ни в чем не бывало, стрелки на мельника.

– Что? Чудной, ты тут воду не кипяти, если есть что сказать, говори, но пустобрехов у нас не любят. А я тут при чем?! – да уж, крикнул так, что чуть голова не взорвалась.

– А ты помнишь, как рассказывал, что целый день мог мешки ворочать и не уставал.

– Ну, – озадаченно ответил тот.

– Дак вот к чему я веду. Батька вон рассказывал, как буйвола за рога из болота вытащил и тут есть люди, которые это видели. А кузнец Фтор подковы гнул руками и тоже люди видели. Дак вот скажи мне, Трэвор, кто из вас сильнее?

Трэвор молчал, да и все молчали, я буквально чувствовал, как крутились шестерни у них в головах.

– Вот, – продолжил я, – если устроить чемпионат, то можно и много вещей выиграть и самого сильного найти, – коротко объяснив правила, замолк.

– Чем – пие... что? И как это – много вещей выиграть? – хм, главное – то поди ухватили.

– Ну, турнир типа. Каждый, кто участвует, скидывает по своей вещи, а потом победитель остается один. И забирает все.

Тут я сам такого не ожидал, пошел такой крик – шум, что забежала стража. Успокоив людей, капрал сказал, что если хоть еще шуметь будут, то останутся без ужина. Когда стражники ушли, Батька вышел в центр как организатор, освободи-

дили стол. Желаящими вышли семь человек. Восьмого как не искали, не могли найти, но и уходить никто не желал. Я скрестил пальцы и ждал, неужели никто не предложит. Тут глаза Трэвора остановились на мне.

– Эй, Чудной, ты чего стоишь? Давай, кидай свою рубаху на мои сапоги, ты ж нас заставил в этом участвовать. Давай к нам и спора не будет, кому уйти надо. Заодно и рубаха запасная будет, – уже шепотом сказал он, но я услышал.

Вот же уроды. Решили на бедном простачке выехать. Ничего, я технику знаю, посмотрим кто кого. Хотя на такой исход я, если честно, и надеялся, но был готов в последний момент предложить свою кандидатуру. Зато не так будет их жалко. Банк ведь собрался солидный: штаны кожаные, сапоги, рубаха, широкий кожаный ремень, тарелка, кружка, плащ откуда – то достали и даже маленький нож.

И началась сеча. Первым мне достался какой – то просто здоровенный мужик. Его называли Корабелом. Реально его рука как моя нога, но будем надеяться, что умение не подведет и победит силу. Да, умение и техника не подвела, но ощущения были такие, что никому не передать, мне ужасно хотелось сдаться, но голая спина не давала позорно положить руку, ведь придумал я это все не просто так.

Боролись мы где – то минутой, когда я спустил руки, а потом резко положил. Да, в камере была тишина.

– Ну что же, вперед проходит Чудной.

В полуфинал, как не удивительно, прошли мои знакомые:

Трэвор Мельник, Фтор Кузнец и Батька.

Был долгий спор, и они спорили, кто же из них будет бороться со мной. Как ни странно, победила логика. Принесли кости, бросили, удача улыбнулась Трэвору, по крайней мере, все думали, что Корабел мне просто так проиграл. Ага, конечно, держи карман шире. Тревор сопротивлялся изо всех сил, но это реально было несложно. Тот, вставая из – за стола, матерился, на чем свет стоял. Кузнец, который кое – как Батьку одолел, уже мне сопротивляться не мог.

Быстро, но без суеты, надевал обновки, чтоб забрать не подумали. Слушал споры и крики. Я был очень рад, теперь я не босяк, пусть эта одежда уже затаскана и не стирана, но это лучше чем ничего, так что жить можно. Скоро обед, короче, день удался.

– Слушай, Чудной, – подошли ко мне мельник и кузнец, – а вот скажи. Ты же специально, чтобы вещи себе забрать, это все придумал? Правда, ведь? – а я заметил, как те, кто рядом, начали прислушиваться. «Ага, как же, сказал, а вы у меня потом заберете. Конечно».

– Нет, Трэвор, ты чего? Ты же мне сам сказал, что раз я придумывал, то мне и участвовать. Разве нет? – это я уже для тех, кто рядом сидел, сказал и медленно отступал к стене.

– Правда, правда, – запричитали они.

– Ха. Уел мужиков, – вот же, везде не любят, когда человек выуживается. А эти успели надоесть тут многим.

– Ну, мы поверим, что ты говоришь правду, Чудной, но

если ты отдашь нам наши вещи.

– А как же то, что проиграно, то свято? – все еще пытаюсь выкрутиться, спросил я.

– А это не про тебя, Чудной, ты чужак, значит вернее...

Договорить я ему не дал. Знаю я подобных личностей, поэтому договорить и не дал, как и не дал атаковать им первыми. Мельнику под дых, кузницу в челюсть, чай не развалятся. Когда они упали, спрашиваю у камеры: может, кто – то хочет тоже что – нибудь свое забрать. Никто ничего не ответил, конечно, но мне было немного боязно ложиться спать. Но это крестьяне, а не разбойники, не тот склад ума. Сегодня первый день в этом мире, когда я улучшил свое материальное положение, а значит, дальше будет проще.

Глава 2

Поспать мне не дали. Кажется, только закрыл глаза, а уже приходится подыматься. Разбудил меня громкий удар металлической двери о стену.

– А ну на выход! Быстро! Быстро! – закричал огромный стражник с бородой и в кожаных доспехах.

– Давай живей, закупы! Приказ пресветлого эла Нектора! Нашего властителя!

Видя, как быстро начали вскакивать мои товарищи по несчастью после этих слов, я сам быстренько подскочил и нырнул в темный зев двери. На выходе нас ждал еще один стражник с факелом, он подгонял тех, кто переходил на шаг. «Что происходит? Это что, так нас на торги ведут? Что – то не похоже».

Краем глаза замечаю, что не одних нас выводят из камеры, видимо будет что – то грандиозное по масштабам. Как мне уже говорили, нас должны были продавать по камерам. На всем протяжении до выхода стояли стражники с факелами, освещая путь. Ах!.. Свежий воздух был такой сладкий, хотелось еще и еще, я вдыхал всей грудью и не мог насыщаться. И ни я один. Многим не нравились здешние условия проживания.

Нас привели на какой – то плац, причем как попало, ни

о каком построении и речи не шло. Стояла одна огромная безликая толпа, а вокруг много стражников.

Все, как я уже видел, кожаные кирасы или кольчуги, копье и квадратный щит. Солнце еще не село, поэтому было довольно тепло. Я попытался найти Батьку и его компанию, но никого не увидел. Да и не очень – то и хотелось, если честно. Я прошел в первую шеренгу, чтобы слушать, что и как там происходит. Внезапно перед всей нашей братией появилась компания из двух мужчин, их одежда была богаче чем все то, что я видел до этого. Плюс ко всему ярко выделялись массивные золотые кольца и браслеты. Те стражники, что выводили нас, задергались, забегали, засуетились, пытались построить. Не дожидаясь, пока нас построят, с кислым выражением на лице один из них начал.

– Пресветлый эл Нектар, славный защитник города Сток, подписал указ, согласно которому вы – закупы, становитесь воинами шестого отдельного легиона. После первого же боя вам дается вольная. Перед этим вы пройдете обучение в учебном лагере... – он замолк и начал уже точно заранее подготовленную речь.

– Тогда как грязные нелюди убивают наших граждан, топчут наши поля, осаждают нашу землю... мы должны мужественно и самоотверженно ее защищать. Теперь в ваших руках Маридское королевство. Берегите его!

– Унтера! Командуйте! – и, развернувшись, пошел назад. Потом нас долго вели по городу, солнце почти село и ни-

чего не было видно. Привели в какие – то полуразрушенные бараки, отправили спать.

К тому времени, я уже ничего не соображал. Про ужин никто не заикался. Поэтому выбрав место, где не дуло, залез на кровать и вырубился.

Побудка прошла как – то вяло и буднично. Когда все построились, вперед вышел здоровый мужчина в доспехе и с мечом.

– Я – сержант Гулид. Это показывают вот эти две нашивки у меня на плече, это капралы Шатун и Спаун, у них нашивка одна. С этого дня мы ваши прямые командиры. Во всем слушаться нас и только нас, никаких других капралов и сержантов. Даже никаких унтеров. Кто будет командовать сотней еще неизвестно. Капитана назначат позже. Это всем ясно? – не услышав, ничего в ответ, он продолжил: – Отлично. Раз вопросов нет, сейчас идем к речке, смываем с себя грязь, потом получаем снаряжение и только потом на завтрак. Капрал Спаун, командуйте.

Река оказалась недалеко. Пришлось выйти за город. И пройти метров шестьсот. Там уже были другие бывшие арестанты и оборудовано место для умывания. Точнее просто пляж. Странно, в прошлый раз, когда я видел город из леса, реки я не заметил. Не знаю почему, но никто не пытался бежать. И это было для меня странно. Не могут же пусть даже несколько профессиональных солдат удерживать от побега сотню. Но раз никто не бежит, значит, нужно делать как все.

Хотелось бы встретить своих ребят, из камеры, они бы ответили на мои вопросы. А пока остерегусь.

Вода была прохладная, но мне было как – то все равно. Окунувшись в воду, я понял, какое это все же дорогое удовольствие – смыть с себя всю вонь и грязь. Никаких моющих средств нам не предлагали. Ну да ладно мне и так хорошо. Заходил я прямо в одежде. Неизвестно, когда еще я смогу ее хоть так, но постирать. Потом, кое – как прополоскав ее, начал обтираться, используя рубаху вместо губки.

Я полоскался до тех пор, пока губы и руки не начали дрожать. Не успел из воды выйти, как к нам подъехали телеги со снаряжением.

Сержанту сразу сказали: «Нет времени, раздаем сейчас, команда капитана Рена». Это как раз, то, что я услышал.

И самое интересное, сержант этому далеко не обрадовался, но рассуждать времени не было, я решил получить лучшее из возможного, поэтому пошел первым.

То, что я просчитался насчет лучшей формы, стало сразу ясно. Мне было выданы штаны и рубаха практически такие, как у меня были на данный момент. Только видно давно лежащие на складе, потому что пропахли плесенью, низкие сапоги с деревянной подошвой, портянки (вот то, чему я был очень рад), какое – то грубое ворсистое одеяло, деревянную тарелку, ложку и кружку.

Пока получал, слышал, как ругались сзади меня местные. Такое убожество видел в первый раз не я один. Они тоже бы-

ли в шоке и спрашивали у обозников, где они это откопали. На что те отвечали только одно: приказ эла. Все это предполагалось нести в мешке таком же допотопном, как и все, что мне выдали. Его выдавали последним. Как только я его получил, тут же услышал команду.

– Быстрее, следующий, – но остался стоять на месте.

– Еще нитки, иголки и инструмент чтоб обувь чинить, – спокойно сказал я, глядя на обозника.

– Что? Ах ты, скотина! Пшел отсюда! Какие нитки, закуп?! Тебе свобода в голову не надула? Капрал, заберите его отсюда!

Мгновенно передо мной материализовался капрал Шатун, вопрошающим взглядом, смотря на обозника. На что тот начал кричать, что, мол, вонючий закуп, свободу почувствовал, что – то пытается сверху выклянчить.

И тут что – то во мне сломалось. Невероятное перемещение в другой мир, попадание в рабство, голод и лишения, будущая война и непонятное будущее. Все это копилось целую неделю, не выплескивалось ни разу. Буквально почернев от ярости, взял его за грудки и как прокричу:

– Ах ты, крыса тыловая, мы может завтра на войну, а ты нам мало того, что одежду, которая разваливается, дал, так еще и нитки зажал, которые у тебя под тканью лежат! – отпихнув его, сорвал одеяло, под которым и заметил выпавшую катушку ниток.

Медленно багровея, почти такую же триаду выдал на рас-

терянного обозника и капрал, потом к обознику подбежал его начальник, а к капралу сержант и тут началось. Хоть и было наших командиров трое, а обозников девять, но они смогли наехать основательно. Что там будет дальше, мне было неинтересно.

Я же, по – тихому умыкнув две катушки ниток и иголок, лишними не будут, отошел в сторонку готовить форму. По себе знаю, подогнанная форма уменьшает лишения солдата ровно вполовину.

Нитки оказались лучше, чем вся остальная одежда, прочные. Хорошо под рукой был ножик, что я выиграл у мужиков. По – быстрому расстелил свои постиранные вещи, чтобы просохли. Благо солнце уже начало парить.

Как я понял, уличив обозников в обмане, наши командиры заставили их выдать все. Сержант с капралами подошел ко мне и сам принес мне флягу и широкий ремень.

– Молодец, парень, – с хлопком по плечу начал он. – Эти интендантские постоянно так поступают. Наберут со складов всякого, а нам втюхивают за деньги. Раньше часто от этой заразы страдал, когда новиком был, – и замолчал. Молчал и я, а что мне говорить – то? Поэтому стоял и молча смотрел на новое начальство, пытаюсь запомнить лица, чтобы потом не перепутать с другими. Новых лиц много и это не мудро сделать, а перепутаешь, еще долго смеяться будут. – Молодец, парень. Если что, говори нам, вопросы решим. Будешь дальше так головой работать, может, станешь капра-

лом, а может и сержантом.

– Да, лэр! – достаточно громко и четко ответил я, как неоднократно слышал от других солдат.

Ну а я что? Начал готовить форму дальше, времени не так много. Не знаю для чего, но в мешке были какие – то две тканевые полоски. По – моему, они были лишние, поэтому решил сделать из них тормоза.

Ничего нового придумывать не стал, сделал так, как было в нашей форме. Просто и удобно. Завязал портянки, что бы в сапогах удобно было. Потом штаны: их немного модернизировал, нашил тормоза, ушил в талии, чтоб не слазили. Хорошо под ремень были шлевки. Потом одел рубаху и заправился. Мешок тоже пришлось модернизировать. Оторвав лямки и сшив, получил практически классический вариант вещмешка.

Туда уже все остальное закинул. Свою старую одежду постиранную оставил сушиться. Осталось только дожидаться, когда все остальные соберутся. Как раз осталось время, что бы наконец – то задуматься.

А сейчас нужно было обдумать слова сержанта. Я уверен, что не знаю, как они воюют, я вообще ничего не знаю. И поэтому я не могу командовать подразделением и подняться выше по иерархии. Пока нужно быть проще. И не высовываться, а еще нужно учиться и быстро, от этого зависит моя жизнь.

Наметив ориентиры, расслабился. Я до сих пор ничего не

понимал, но уже знал, что мне стоит делать дальше и это хорошо. Перевернул одежду другой стороной, и опять же расстелив ее на траве, уже хотел было отдохнуть.

Но мне не дал этого сделать громкий смех. Нет, шума на пляже было много, но это был определенный смех, его обычно называют гогот. Сержант с капралом обсуждали что – то с вестовым, прибежавшим из города, поэтому были далеко. Видимо поэтому кое – кому захотелось развлечься.

Сцена, которую я увидел, сразу начала меня выводить из себя. Я увидел как парень лет шестнадцати, худой и щуплый как девчонка, пытался отвоевать свои штаны у здорового бугая, коренастого, с руками до колена и неухоженной бородой.

Еще в армейке я такое не любил, и если кто – то делал из себя великого деда, приходилось успокаивать, благо навыки были. Из – за этого меня кое – кто не любил, но это не так фатально как кажется, зато отстоял свои принципы. Поэтому, недолго думая, одним движением встаю и подхожу к месту действия.

Рядом сидящие с такими же уголовными рожами весело смеялись и улюлюкали. Многие просто отворачивались от этого некрасивого действия. Уроды. Только сидит какая – то четверка, и явно непреязненно смотрит на происходящее. Вот кто уже служил, сразу видно – собрались и давно готовы к выходу. Трое смотрят на того, что в центре, видно ждут команды. А, черт с ними. А парень – то молодец, не сдается,

вон под глазом уже синяк, но держится и своего не отдает, я б наверно так не смог.

Не говоря громких слов, молча подхожу к бугаю и делаю мощный правый боковой в челюсть, да так, что того уносит на метра два назад. Ватага, человек пятнадцать, замолкает.

– Вы что, твари, вообще поофигивали, – говорю я на русском, родная речь заставляет быть уверенным в своих силах. – Вам делать нечего? Решили над пацаном поиздеваться? Может кто – то надо мной поиздеваться хочет? Выходи по одному.

Заговорил первым тот, что сидел посередине, видно главарь. Не здоровый, можно сказать худой, но жилистый.

– Да ты сам, парень, молод еще, чтоб такие дела без взрослых решать, ты думаешь, что накричал на обозника, да с тобой сержант лично перетер, дак ты тут порядки свои наводить будешь, – медленно вставая, начал он. – То, что ты Жмыха вырубил – это молодец, силен, но что ты один против семнадцати сделаешь. К тому же Жмых – мой человек и тебе придется ответить.

Я уже начал прикидывать, кому куда вдарю, и даже пожалел немного о своей бравате, когда справа от той подготовленной четверки послышался голос:

– А с чего ты взял, Хорек, что один против семнадцати, а не шесть против тринадцати? С таким счетом тут еще вопрос – кто с кем, что делать будет, – уверенным голосом сказал главный из четверки.

– Да ты че, Браун? Мы же договаривались. Ты че, забыл? – это удивленно спросил Хорек. «Да уж, ему идет, чистый хорек».

– Мы договаривались, что за паек вас обучим чему –нибудь путному.

– Браун, ну решили ребята немного развлечься, – уже спокойнее продолжил тот. – Уже и это нельзя? Немного повеселиться и расслабиться.

– Нет, Хорек, я совершил ошибку, надо было сразу твоими руки переломать, когда вы на нас наехали. Но теперь – то я ошибок не совершу, просто сдам тебя сержанту и все, и повесят тебя. Поэтому обойдемся без лишних обид, – и, махнув мне головой в сторону моих вещей сказал: – Свободны.

Я посмотрел на пацана, тот, посмотрев на мой точно такой же кивок, как и у Брауна, согласно кивнул, бросился к своим вещам и, быстро собравшись, вместе со мной пошел к моим.

– Ну что ж, давай знакомиться, Влад, прозвище Чудной.

Я решил, что раз уж дали, то пусть будет, я знаю себя, я не диверсант, не разведчик, я проколюсь буквально на мелочах. А вот прозвище Чудной сделает мне небольшой ореол защиты, будто так и нужно.

– Я – Лекс Оксли, – представился паренек. Голос его был тих. – Спасибо, еще чуть – чуть и все, меня бы сломали. Я в камере с ними сидел – они разбойники бывшие, они убьют нас. Зря ты меня спас, но все равно спасибо.

– Эй, Лекс, да какие они разбойники, так, мелочь пузатая,

а строят из себя непонятно кого. Ты не парься. Если вдвоем будем, нам никто не страшен. Идет? – протягивая руку, спросил я.

– Идет, – с какой – то мрачной улыбкой и уверенностью сказал он. Контраст между хнычущим мальчиком и уверенным мужиком, ну, по крайней мере, уверенным юношей был разителен. – Мой отец всегда говорил, что только в клоаке и беде можно найти настоящих друзей.

– Ну, я предпочел бы тебя найти не в этой жопе, – сказал я, и мы засмеялись.

– А кем был твой отец? – спросил я, чтобы поддержать беседу, ведь часто бывает, два хороших человека могут и хотеть общаться, но не иметь общих тем, поэтому в дальнейшем они вынуждены вращаться в различных кругах, но общаться с теми, с кем неприятно. А о своем знакомстве лишь вспоминать при встречах, замечая в себе желание поговорить с этим человеком, тепло здороваясь, так и не находя общих тем, они расходятся, чтобы опять встретиться как –нибудь потом.

– Нет, мой отец еще жив, он не был, он еще, я надеюсь, долго будет. Он... капитан дружины у одного из баронов, – сказал Лекс, наматывая портянки.

– Э-э, но тогда почему ты оказался тут? Я не понимаю, вы что, так что – то должны, что тебя продали? – то, что сказал Лекс, совсем поломало всю мою картину этого мира, которую я сложил у себя в голове за прошедшее время. Как

правило, здесь шло очень четкое разграничение по классам. Естественно выше всех дворяне, потом воины, ремесленники, горожане, крестьяне. Где – то так. Причем воин, особенно в чине капитана, это уже серьезный человек. Который ну не мог не выкупить своего сына из закупов.

– Нет, но есть одно, но... – многозначительно закончил он.

– И? – я даже подался вперед.

– Если бы он знал, где я. То мигом прискакал бы сюда, выкупил, ремнем отодрал и под венец поставил. А я не хочу под венец! – в конце он даже прикрикнул.

Так, под венец, под венец, под венец...

Ох и насмеялся я тогда, до слез, до боли в животе, скулы уже сводить начало от моего постоянного смеха. Наверно это было нервное. Да и я бы давно прекратил, если бы у Лекса не было такого выражения на лице сначала злости, а потом обиды на меня.

– Значит, получается, ты от свадьбы бежал? – спросил я его, отдышавшись. – А чего? Невеста, что ли, страшная как смерть? Или поймали на невесте, а ты в бега? Такое кино только по телеку и увидишь.

– На невесте? Хоть она и выглядит, как наш сержант, – увидев, как я высоко поднял брови, он сказал, как отрезал: – Да, как наш сержант. Но нет, дело не в ней. Этот брак как бы скреплял две семьи. Мой отец тоже этого не сильно хотел, но если ему в голову что – то вбилося, то он же не отступится.

– Да уж, и кто – то на своего отца слишком похож характером, – заметил я. – А как ты сюда угодил – то?

– Да я, когда узнал, нервничал сильно. Поэтому пришлось уходить быстро и не оставляя следы. За мной естественно была погоня. И я бы ушел, но кто же знал, что у Ситла в баронстве меня примут за какого – то беглого закупа и посадят под замок. Недельку там просидел в баронстве. Потом нас выкупил сэр Нектар и переправил сюда, я ждал, что меня кто –нибудь выкупит в прислугу, но что случилось, то случилось, дальше ты все знаешь.

– Да уж... говоришь, на нашего сержанта похожа? А знаешь, у нас в зале анекдот ходил про таких девушек. Глядя на таких дам, хочется подойти сзади, приобнять и спросить: «в каком весе борешься, брат?» – я улыбнулся и посмеялся. Лекс смотрел на меня непонимающим взглядом. Блин, запорол все дело. – Э-э-э, вот за это, Лекс, меня и называют Чудным, – нужно было срочно переводить тему на что – то другое. – О, смотри, это же наши капралы там командуют, пошли строиться.

Когда собрали Лекса, выдвинулись к сержанту. Там уже была порядочная часть роты. Те, кто не успевал, были подгоняемы капралами мощными пинками в их исполнении. Громко и грязно матерясь, капралы поставили всех в строй. Я вытянул Лекса в первую шеренгу, чтобы было хоть что – то слышно.

Что отличает ветерана от зеленого духа? По мне так это

умение слушать командира. По построению предложений, по голосу можно многое понять. Командир, как я понял, как правило, гораздо больше знает, другое дело, что не собирается этим делиться. Если ты все будешь слушать, то и информации у тебя будет больше, а у кого информация, тот готов ко всему.

Вообще строя опять как такового не было. Просто куча гражданских в форме. Невооруженным взглядом было видно, что его это дико бесило. Да и капралы не скрывали своего раздражения. Вот вперед вышел молодой парень в блестящей броне.

– Солдаты, слушать приказ Его Сиятельства! В десяти милях на запад к селу Дикое прошел отряд орков. Поэтому все свободные войска направлены на уничтожение дикарей. Первая рота шестого легиона поступает в распоряжение капитана Эдмунта эн Во.

– Эдмунт эн Во – жирная маленькая скотина, чертов карьерист, он же нас всех погубит. Он не то, что ротой командовать, он никем командовать не сможет. Тупая пьяная пробка. Нам хана, – только мог и шептать Лекс.

– Да кто это такой? Откуда ты его знаешь? – спросил я Лекса.

– Знаешь, Влад, – проникновенно начал он, – видимо прогневали мы кого – то на небесах так, что он решил с нами покончить. Мало того, что мы идем, по сути, неподготовленным войском, состоящим из крестьян да разбойников, кото-

рые сильны только в засаде. Дак нас еще отдали под командование этому засранцу эн Во. Я слышал слова отца, и у меня нет оснований ему не доверять. Ты хочешь узнать, кто это такой? Дак слушай.

Свой путь он начал в столице, благодаря родственникам быстро дослужил до капитана. Так бы и продолжалось, но имел данный капитан плохую привычку надираться и не следить за своим языком. Так в один прекрасный вечер он наговорил много плохого о нашем короле.

Он это говорил часто, но именно в этот раз в зале сидел представитель серых. Капитана хорошо взяли за задницу, но эн Во приходится родственником герцога эн Рамира. Это единственные дворяне в королевстве с приставкой эн.

Так и получилось, что там кому – то другому отрубили голову, а его просто отправили подальше от столицы, разжаловав до лейтенанта. Попал он в шестую пограничную крепость на границе с кочевниками. Где за первый месяц в безумных рейдах положил больше половины бойцов крепости, а сам всегда уходил, оставляя заслон.

Кочевники не будь дураки, взяли крепость в осаду, но ровно, защитников еще хватало. И им удалось продержаться до подхода подкреплений. Тогда лейтенант стал капитаном и, получив орден за храбрость, стал одним из преподавателей школы подготовки сержантов. Передавать свой бесценный опыт.

И он ее потихоньку просто развалил, начав через своих

родственников воздействовать на других менее родовитых чинов. Стал начальником центра. Где без нормального руководства начало все рассыпаться. Конечно, унтера все видели и старались выровнять ситуацию и ходить к нему с просьбами, но за это были выгнаны. Приехавшая комиссия взялась за голову. И несдобровать бы ему, но хорошая рука родственников опять выдернула его из полной жопы. А виновными сделали унтеров.

Центр подготовки расформировали, а всех унтеров как виновных продали в закупы. Отец говорил об этом декад шесть назад и все думал, куда же он исчез, а он тут. И теперь я узнаю, что эта дрянь поведет нас на смерть. Ну почему все так неудачно сложилось?

Когда он замолчал, я увидел, что все соседи прислушиваются к разговору, хоть и говорил Лекс тихо, но слышно было его прекрасно.

– Ты – то не раскисай, пошли лучше снарягу получим, пока есть из чего выбирать, – конечно, никто нам ничего не даст разбирать, но Лекса нужно было как – то отвлечь. Парень он отходчивый за время нашего знакомства у него не раз кардинально менялось настроение. Так что видя, как его лицо изменило свое выражение с печального на озабоченное, я понял, что все сделал правильно.

Ничего особого нам не выдали. Кожаные кирасы наподобие римских (тоже видно лежавшие на одном складе с вещами, которые мы получили до этого) про которые наш сер-

жант заметил кратко и емко, такой фразой: «Прошлый век».

Вместо нормального шлема выдали кожаный подшлемник, про который опять же сержант заметил: – Ну, хоть от солнца защита.

Оружие включало в себя квадратный щит, короткий широкий меч с ножнами или копье. Просто и незатейливо. Еще я слышал, как сержант к тыловикам шел и кричал: «Нельзя крестьянам меч, ноги друг друга порежут». Но он был просто и незатейливо послан.

Кираса, несмотря на свой убогий внешний вид, была достаточно крепкая, все завязки и ремешки были на месте, так что я даже ощутил легкую уверенность.

Она как броник, только легче, раза в три. Мне попалося копье, а Лексу меч. Для меня копье было легким и неудобным, вдобавок я таким никогда не работал даже в шутку, а ему меч просто оттягивал руку. Молча осмотрев друг друга, так же, молча, поменялись. Меч мне понравился больше копья, короткий, сантиметров сорок, ручка лежала в руке удобно и не скользила, конечно, тяжелее чем дубинка, но принцип применения знаком, поэтому я с чистой совестью повесил его себе на бок. Щит был прямоугольный, где – то сорок на восемьдесят, обит полоской стали тоже ржавой, но выбирать не приходится. Пока другие занимались подгонкой своего снаряжения, я прихватил плоских камней, что лежали вокруг и начал точить свой меч. Потом к этому занятию присоединились и другие.

Свой меч я доточил. Железо было какое – то мягкое. На карантине мне приходилось копать окоп. А перед этим нужно было наточить лопатку, поэтому, что и как делать, я знал. На этом мои сборы и закончились.

Дальше, построив нас в колонну, отправили по дороге. Впереди молодцевато шли на конях молодые всадники, человек пятнадцать. Ребята лет двадцати, может кто моложе, наш капитан и как мне сказали: сын графа возглавляет эту колонну, они то и дело постоянно нас подгоняли. Козлы, им – то на конях гораздо проще будет, а нам еще эту сбрую тащить. Мы же шли, как попало, строй растянулся где – то на метров двести, три сотни ничему не обученных людей, и это бесило меня больше всего.

Ни о каком шаге в ногу или хотя бы в шеренге не могло быть и речи. Сержанты и капралы носились вокруг строя как пчелы вокруг меда, пытаясь нас выровнять хоть как – то. Следом за нами шла сотня арбалетчиков. Эти хоть из регулярных частей шли хоть и на раслабоне, но держа строй. Видя, как кричит на отстающего сержант, не решился задать ему вопрос. Но зато рядом был тот самый Браун, что помог нам с Лексом около реки. И ему был задан вопрос, который мучил меня с самого начала.

– Браун, ты как человек опытный, расскажи мне. А есть ли у нас разведка впереди или дозор боковой, может я не заметил чего?

На секунду задумавшись отвечать мне или нет, он все же

снизошел до ответа.

– Да все ты заметил. Нет там никого, этим салагам, – показал он на всадников, – лишь бы покрасоваться друг перед другом. Ни о тактике, ни о стратегии они не имеют никакого представления. До этого хорошо, если кто – то из них в дуэлях или турнирах участвовал. Или в учениях с другими рыцарями. Здесь опытных людей мало. Поэтому будь наготове, ты вроде тоже не с пустой головой, раз такие вопросы задаешь. Если начнется, нужно держаться вместе. Я, как ты уже знаешь, Браун, это Рой, Стив и Паркинс.

– А я Влад Чудной, так и зовите.

Но договорить нам не дали, слова сержанта больше похожие на рык известили нас, что если мы не заткнемся, то по приходу в часть посидим в холодной. Пришлось заткнуться.

Когда по заверениям местных до села осталось часа два на нас напали. Дорога шла через лес. Внезапный рык заставил лошадей подняться на дыбы. А у меня на голове от него волосы зашевелились. Из кустов полетели камни, но не в нас, а в рыцарей, а вслед за ними из зарослей, словно пробки от шампанского, вылетели и те, кто бросал.

Теперь я понял, почему их называют орки. Под два метра ростом, зеленая кожа, лица похожи на маску зеленого гоблина из «Человека паука», плюс намазались то ли грязью, то ли краской какой. Короче, неприятные ребята. Огромными прыжками они понеслись на всадников.

Закупы смешались. Неожиданное нападение выбило их из

колей. Сержанты пытались навести порядок, но их голоса то- нули в общем гвалте и шуме. Тем временем орки начали со- бирать свою кровавую жатву. Их было немногим около пя- тидесяти, но они нападали яростно и неукротимо, их огром- ная физическая мощь и большие мечи делали свое дело. Они вспарывали строй как ножницы бумагу, не встречая сопро- тивления. Да и кому было сопротивляться, вчерашние кре- стьяне, всю жизнь проводившие в своей деревне, необученные воинскому ремеслу, не могли дать отпор такому страшному противнику.

Вот какой – то мужчина заваливается от страшного удара в грудь. Вот совсем молодой парень даже не пытается сопро- тивляться, забыв про щит и копье, закрывает голову руками и просит не убивать его. Но нет жалости в орке, тяжелый меч опускается на голову.

Нет! Не позволю! С разбега тараню ближайшего орка, приложив вес всего тела, и пока он потерял равновесие, бью по шее. Меч заточен, из пробитого горла толчками выходит зеленая кровь, она падает мне на лицо, но я не замечаю это- го. Счет открыт один: ноль в мою пользу.

Тем временем ветераны и сержанты пытаются построить строй, там я замечаю Брауна с компанией и Лекса, они сдер- живают орков со своей стороны, а значит мне туда.

Но не вышло, огромный орк преградил мне путь, выбрав меня своей следующей целью. От неминуемой смерти меня спасает удачно выставленный щит. Сильнейший удар сверху

вниз заставляет левую руку онеметь, а меня пригнуть колени. Я отрешился от всего, именно сейчас решается моя судьба, именно сейчас решится – жить мне или умереть. Остался только я и мой противник.

– Не стой на месте, – слышал у себя в ушах слова командира, – двигайся, если ты без строя, то тебя сметут, но если ты будешь быстро двигаться, то у тебя будет шанс в строй вернуться.

Сдвигаюсь влево и вперед, ожидая удара, и противник не заставляет меня ждать, мощный удар опять сверху вниз, я быстро ухожу вправо и наношу колющий удар прямо под челюсть, лезвие входит глубоко, а орк от удара массы моего тела опрокидывается назад.

В строю уже достаточно людей и, как я считаю, мне в нем самое место. Но на пути опять появляется орк, он не дает подойти к своим сородичам со спины. Я уже убил двух орков, играя от защиты, этот поединок я должен выиграть нападая, сил уже почти нет и требуется поторопиться. Щит на руке был украшен огромной трещиной и поэтому вырываю руку из петель и бросаю его в моего нового противника, одновременно с этим опускаюсь вниз, как на проход в ноги, и с подшагом бью по ногам. Оказавшись сбоку от опешившего и теряющего равновесие орка, наношу мощный удар по затылку. Слышится хруст лопающейся кости.

Опытных людей в кругу мало, больше неопытных и они только мешают. Вот Лекс со второй шеренги пробивает гор-

ло замешкавшегося противника. Не врал парень, и правда сын капитана умеет обращаться с оружием.

А вот мне становиться в строй рано. Передо мной было пять широких мускулистых зеленых спин. А значит, нужно пользоваться шансом. В три прыжка оказываюсь рядом с противником, ничего не выдумывая, два быстрых удара крест – накрест по головам. Не убил, не ранил, но заставил сбиться с темпа и затормозить, пускай ими займутся другие. Следующий почти ко мне развернулся, но рука с дубиной далеко, а незащищенный бок рядом, накалываю его под ребра на меч. Четвертый ничего не замечал, он атаковал, поэтому сильный толчок в спину оказался для него полной неожиданностью, а возле щитов его встретило сразу три копья.

Крик: – Сзади! – от первой шеренги был очень вовремя, не оставил мне время на раздумья, кувырок через плечо спас мне жизнь, голову в буквальном смысле обдало ветром, взъерошив волосы. Это был пятый орк, про которого я и забыл. Следующий удар нанести ему не дали. Копья пробили грудь, а я метнулся в строй, который меня уже заждался.

– Молодец боец! – крикнул прямо в ухо мне сержант, так что меня даже оглушило.

– Рад стараться! – по привычке крикнул в ответ я.

– На копье и щит, – протянул он мне свое снаряжение, – твоё место в первой шеренге. Давай в строй!

Огляделся. В кругу было человек шестьдесят. Еще где – то семерым делали перевязку. В строю было спокойно. От-

дельно лежал закованный в латы с перевязанной головой паренек, вроде сын графа. Сердце никак не могло остановиться, и ноги дрожали. Но приказ командира был ясен – стать в первую шеренгу. Строй и так жидкий, если бы орки наступали все вместе, то нас уже давно бы смяли, но они видимо не знали, как противостоять строю. Не было у них и особой тактики. Тупо напирали силой. Подгадав момент, утягиваю явного новичка за строй, и тут же становлюсь на его место.

Ветерана легко отличить от новичка. Правильная постановка ног, правильное держание оружия. Скупые точные движения. Без лишней спешки они позволяли себе выходить из строя и атаковать, потихоньку уничтожая противника. Наш строй был не мобилен, что снижало эффективность наших действий. Но это было не так важно, они сами перли на нас, не осознавая, что так лишь проигрывают. Изредка кто – то из них поднимал орудие с земли и метал в нас.

А я ждал момента, как только орк, что стоял передо мной ударил по щиту соседа и открылся, я даже не думая, чисто на рефлексах, ответил, ранив руку. Целился вообще в бок. Но копье – оружие для меня неизвестное, в последний момент рука дернулась, оставив вместо смертельного удара лишь длинную царапину.

Не знаю, сколько бы это продолжалось, но с криком: – Давай! – из кустов вылетели болты и начали бить наших орков в спины. Это и решило исход боя. Когда последний орк был добит, из кустов вышли двенадцать воинов под руко-

водством капрала. Многие из них были ранены. Это были те немногие выжившие из арбалетчиков, что при нападении на них сумели спрятаться в лесу.

У них не было больших щитов, а те, что были, не могли защитить их от сильных ударов орков. Поэтому они и побежали. Многие были убиты, точнее, зарезаны как бараны. Столько крови, сколько я увидел сегодня, мне видеть еще не приходилось. Отрезанные руки, ноги, распоротые животы, густой запах крови, фекалий и аромат кислого желудочного сока. Вот такая она война во всем своем неприглядном виде.

Никакой романтики, только боль, грязь, страдания. Многих рвало, меня мутило сильно, но я сдержался, как и Лекс, за что получил уважительный взгляд сержанта, который командовал обороной.

Кстати, раненым всадником и впрямь оказался сын графа, я не ошибся, смотря на доспех. Поэтому сержант не стал рисковать, и отправил его и наиболее раненых к целителю. С ними ушло около тридцати копейщиков и все арбалетчики. Те, кто остались, складывали снаряжение и погребальные костры. Тогда и начали выходить те, кто сбежал в лес с поля боя. Таких сержант не наказывал, а сразу отправлял валить деревья. Вечерело, когда мы уже закончили. Тогда и прибыло подкрепление в составе конницы, и сотни коронных бойцов. Они нас и заменили. В город мы пришли в сумерках, ноги к тому времени меня вообще не держали, да и у всех остальных тоже, нас разместили уже в казармах. На нарах

были разложены циновки. Там нас накормили какой – то похлебкой и отправили спать. Глаза уже слипались, когда я ел, а когда опустился в горизонтальное положение, то сознание незамедлительно меня покинуло.

Глава 3

Граф Нектар эл Марсен был в смятении. Его графство Марсе, находящееся на окраине королевства, всегда стояло щитом от дикарей орков. Оно было вытянуто вдоль границы королевства со степью.

Уже несколько веков славное семейство эл Марсенов передавало своим наследникам знамя защиты родной земли. Да, графство иногда называли ссыльной каторгой, сюда кидали многих не оправдавших надежд дворян. Но это не значило, что они были худшие.

Графство было бедное, никаких руд или плодородной земли. Лес сменялся степью. Иногда граф задавал себе вопрос: – Зачем? Зачем нужно было захватывать этот кусок земли?

Когда – то на его месте было королевство Марсен, и оно выступало отличным щитом для Марида. Набеги даже не доходил до Марида, орки брали, что им было нужно и уходили. И королевство Марсен восстанавливалось. Теперь же бывшее королевство стало графством, а он, граф Нектор, обязан его защищать. Раньше ведь как было – нападение одного или двух племен орков на графство, и тут же отряд рыцарей и пехотинцев направлялся в степь мстить. Только такие действия помогали внушить страх и нежелание ходить в набеги.

Солдат у графа было мало, но богатая практика сделала из них профессионалов. Проблема была в другом: солдат было немного, а вот орки отчего – то в этот год пошли всей степью.

Были стянуты все войска, но их не хватало. Даже прибытие молодых дворян со своими дружинами, которые приехали за славой и деньгами, не могли переломить ситуацию. Королевские войска находятся на западной границе с Шамором, и король не может отправить сюда много войск. Король отправил своим приказом шестой отдельный легион, который насчитывал три тысячи прекрасно обученных воинов. Но будут они здесь только через семь дней. Тогда своим решением граф освободил всех закупов, но и это не решало проблемы. Люди были слабо обучены и просто умирали в стычках с орками. Хотя бы вспомнить сегодняшний случай. Ульрих, сын графа, молодой дуралей. Захотел почестей, захотел повоевать.

Чуть живой вернулся и то не сам – притащили. Казалось бы, учили с детства, думай своей головой при принятии решений. А он, сопляк, возомнил себя бессмертным да и еще людей за собой потянул.

А какое оружие им выдали? Мечи. Да не пехотные, а для конного боя, что б в бою можно было против доспешных рубиться. Ну, заметили орков в пятнадцати верстах от города, ну не самому нужно решать такие вопросы. Вот если бы подошел, честно сказал: – Отец, нужно защищать свою землю и людей! Отпусти!

Тогда и сам не знал бы, как не отпустить. Все семейство эл Марсенов очень дорожило своей службой. И такие понятия, как честь и долг, не были у них пустыми словами. Но он же, предвидя, что одного его без опытных людей не пушу, сделал, как он думал, хитрый ход. Взял три сотни закупов, вооружил с какого – то богом забытого склада, одну сотню арбалетчиков и таких же молодых идиотов, которые не знали чем им заняться.

Как итог, из трех сотен закупов осталось шестьдесят восемь человек, арбалетчиков вообще осталось восемнадцать из сотни, из целой сотни обученных людей. Сейчас Ульриха доставили к целителю в тяжелом состоянии. Теперь за его жизнь можно не волноваться, графский целитель Мар Чет был опытным целителем и не таких вытаскивал. Но непредвиденные проблемы всегда выбивали эла Нектора из колеи. Черт! Рука дернулась, проливая вино на обшивку кресла. Да и пусть, ужин закончился, а дел еще много.

После происшествия с сыном граф лично осмотрел все бумаги по войскам. И пришел в ужас, там было такое понаверчено, что непонятно, где начало, где конец. Граф дал приказ собрать всех ближайших советников.

А поэтому, выйдя из покоев, выдвинулся в сторону своего кабинета. Стража почтительно открывала двери перед своим господином. Он застыл в проеме, при его появлений все встали. Быстро оглядев всех собравшихся, убедился – все на месте. В кабинете за круглым столом находилось четыре сту-

ла. Первый предназначался сэру Лодикку – рыцарю, руководившему всеми войсками, что были на территории графства. Второй стул принадлежал сэру Адамсу, этот отвечал за все хозяйственные вопросы. Третьим советником был сэр Альберт – казначей. Ну, а четвертый стул был приготовлен именно графу.

– Итак, начнем! Кто первый? – без всяких предисловий начал граф. Голос его был сух, глаза холодны, лицо застыло, как восковая маска. Такого графа его помощники видели редко. Такое случалось тогда, когда их господин замечал у кого – то значительные проблемы в работе или был зол. Сейчас у него отвратительное настроение могло быть и по двум причинам, и поэтому никто не хотел быть первым.

– Ладно, Лодик, начнем с тебя! – сказал граф, буквально впившись глазами в своего помощника. – Ты вот скажи мне, почему бумаги, которые ты мне приносишь, не читаемы? Лодик, я не могу понять, что происходит, ты можешь мне хотя бы что –нибудь доложить?

Огромный бородатый мужчина лет сорока стоял, понутив голову, и не смел поднять взгляд на своего властителя и друга. Ему нечего было сказать в ответ.

Дел навалилось огромное множество, и ему требовалось быть везде и всегда, то организация набора в ополчение, то выдача экипировки, то организация подразделений. Столько всего нового и разного, поэтому он буквально потерялся. Раньше он руководил тысячей воинов и тремя сотнями го-

родской стражи. Причем успешно справлялся со своими задачами. А теперь количество воинов увеличилось в четыре раза и это не предел, а с количеством воинов растет и количество возникающих проблем.

– Нектор, я просто не справляюсь, – устало проговорил тот, сэр Лодик был очень принципиальным и по имени графа называл только во время совместного отдыха. И если сейчас он перешел на имя, то это показывает только его серьезный настрой... – Я уже просто не знаю, что мне делать, может быть, ты поставишь кого другого на это место?

– Ага, конечно! – выкрикнул граф. – Не хватало мне, чтобы дела вообще развалились. Давай, делать надо, и пока мы в одной повозке. Бери лист, записывай! Не можешь сам, будем вместе!

Сэр Лодик расцвел, он, да и все собравшиеся знали, что если их сюзерен берется за дело, то оно будет сделано. Доведение задач прервал вошедший целитель. Лицо его было уставшее, но довольное. Коротко поклонившись, он обрадовал своего господина.

– Господин граф, Вашему сыну ничего не угрожает. Его жизнь вне опасности.

– Что с ним? Докладывайте, живо! – в голосе графа слышалось облегчение, но он хотел знать лично.

– Ушиб головы, перелом правой ноги, сломано три ребра, тело представляет собой один сплошной синяк, это он, наверно, когда с лошади навернулся. Самое страшное – это

ушиб головы. Из – за этого молодому господину будет еще долго плохо. Если, конечно, милорд не изменит приказ и не разрешит его исцелить до полного восстановления. Сейчас он выпил укрепляющее зелье, и его усыпили. Сон – лучшее лекарство.

По мере доклада целителя лицо владельца светлело. Он сам, будучи неплохим воином, понимал – раны неприятные, но не смертельные. Его сын будет жить, а значит, все отлично. Можно возвращаться к делам. Прямо на глазах опечаленный горем отец становился прежним невозмутимым владельцем, в руках которого тысячи жизней.

– Спасибо, Мар, можете идти отдыхать.

Коротко поклонившись, целитель исчез в проеме.

– Итак, – незамедлительно начал Нектор. – Я хочу, что бы ты за завтра привел все в порядок. Были организованы новые подразделения, назначены командиры. Быстро в короткие сроки обучить пикинеров из числа бывших закупов и городского ополчения. Выдать им нормальное оружие и защиту. Из запасов.

– Запасов больше нет, господин граф, – это вмешался сэр Адамс. Мы уже написали чего и сколько нужно. Вот, – он протянул три листа, исписанных мелкими буквами.

Граф начал читать и схватился за голову. Столько нужно, что в пору диву даться. И наконечники на копья, и подводы и зерно. Справа была колонка с количеством золота, необходимого для покупки. Быстро посмотрев в конец списка,

он выделил итоговую сумму. Три тысячи золотых. Огромная сумма даже для него, почти четверть казны, но им никто не поможет, а приказ короля был ясен и понятен, не допустить прорыва орков в центральные части. Печально вздохнув, вернул листы.

– Альберт, выдай ему золото столько, сколько нужно.

– Да, господин граф, вы не все просмотрели, завтра прибывает наемная полутысяча из клана «Сломанная Секира» и триста эльфийских лучников из леса. А также различные наемничьи отряды в поисках наживы. За это тоже все будет уплачено, и мы сможем дать нашим людям отдых. Также хочу заметить, что наш город и так был далеко немаленький – восемнадцать тысяч жителей. А теперь с беженцами и наемниками я не могу даже представить, сколько. Растет преступность, нищета. Продукты питания так просто не достать. Торговая гильдия в панике скоро начнет закрываться таверны. Я пытался решить этот вопрос через другие графства, но мне так накрутили цены, что я не решился, нужно Ваше прямое вмешательство.

– Хорошо, дальше.

– И еще, господин граф, мне кажется, не стоит спешить с набором обеспечения, – начал Адамс.

– Объясни.

– Дело в том, что всех их надо где – то размещать и ...

Вышли из кабинета они далеко за полночь, но спать так и не пошли, у каждого было еще много дел.

В зале таверны «Заячья нога» было необычнолюдно. В последний месяц посетителей явно прибавилось, и толстый лысый трактирщик в кожаном заляпанном фартуке от этого только волновался. Казалось бы, ему нужно радоваться, несмотря на заметное увеличение цен на продукты, выручка тоже увеличилась. Но этих самых продуктов уже не достать, их пустили на нужды армии. Как только объявили военное положение, трактирщик сразу забил все свободные помещения провиантом, но и его не хватало. Такими темпами через две декады уже есть будет нечего. Вот один из постояльцев садится за стол к капралу, про того говорят, что вернулся с похода чуть живым, две роты свои потерял и сидел, запивал горе. Многие хотели узнать о произошедшем и великодушно угощали старого вояку, но никто еще не встал из – за того стола спокойным.

– ... Да уж, было жарко, сам не знаю, как мы выжили. Ты представляешь, они выскочили неожиданно и сразу стали атаковать. Они казались демонами, вышедшими из Бездны. Строй сломался, щиты не защищали – твари резали моих ребят как бумагу, – глаза старого бойца стали влажными. – Мы побежали в лес, чтобы скрыться от этих отродий. Со всей роты нас осталось лишь восемнадцать. Эх, чувствовало сердце беду. Парней моих жалко...

Старый капрал Фишер Олд уже не раз рассказывал свою историю в полумраке таверны. Многие уже за вечер подса-

живались к нему за стол и слушали его рассказ. Люди не знали, что делать, неожиданно страшный безжалостный враг оказался близко. В городе введено военное положение. Постоялые дворы, бараки, все занято. Свободные места остались только в Верхнем городе.

Солдаты лишали горожан сна. Нередко были драки и крики, за лучшее место, за еду. Всех мужчин, способных держать оружие, начали забирать в городское ополчение.

Продовольствие сильно подорожало, свободных комнат в тавернах не осталось, а люди все прибывали. Неопределенное положение в городе заставило многих ремесленников прекратить работу в своих мастерских. И это пугало.

Когда все закончится?

Вот главный вопрос, который мучил людей. И человек, побывавший в самом пекле, был очень нужным. Капралу все подливали и спрашивали, что тот знает, а он все заводил разговор, как они чудом спаслись. Люди злились, но так и не слышали ответы на свои вопросы...

* * *

Подъем проходил довольно вяло, сонные люди еле вставали со своих нар. О том, что произошла побудка, нас известил звук трубы. Такой неприятный, что аж зубы скрипели, не могли, блин, что – нибудь получше придумать. Голова была тяжелая, в висках кололо, мышцы болели, особенно спина, видимо, много резких движений на не размятое тело, во сне я перевернулся и отлежал себе руку. Тысячи мурашек

бегали по ней, кое – как сев, начал баюкать ее, матерясь и кривя лицо. Было ну очень неприятно. На кровати напротив потягивался Лекс, сам такой же прибитый, как и я. Видно, что устал за вчерашний день.

– Ну и рожа у тебя, как у вампира в боевой трансформации, – хохотнув, сказал Лекс.

– Ой, иди в пень! – руку начало отпускать, но все равно было еще очень плохо. А я не люблю, когда надо мной стебются, когда мне плохо.

– Вместо того что бы помочь раненому товарищу, ты над ним грязно издеваешься, эх, не возьмут тебя в десантники.

Глядя на недоуменное лицо моего молодого наивного друга, я просто не смог удержаться. Когда пришло к нам молодое пополнение, ну не могли мы с ребятами над ними не постебаться. Ох, сколько мы им загоняли, про стокилометровый марш – бросок. Про то, что десантировались в БТРах. Ох, эти сказки, рассказанные с честным лицом, потом ходили по всей казарме. Хорошее было время, и хоть сейчас оно другое, но этот взгляд добрых внимательных глаз невозможно пропустить. Да, моя месть будет страшна. Будет знать, как надо мной шутить.

Сначала сделал вид, что задумался. Осмотревшись по сторонам, якобы боясь подслушивания, указал Лексу место рядом с собой. Тот мухой перелез ко мне на кровать. Сохраняя на лице выражение жуткой подозрительности, наклонил голову и шепотом начал:

– Лекс, ты же помнишь, что вчера сержант отмечал нас в лучшую сторону?

– Ну, – в нетерпении протянул он.

– Дак вот потом он ко мне подошел. И в десант позвал. Ты, говорит, со своим другом неплохо сражались. У нас есть специальная рота из ветеранов, там служат только лучшие из лучших. В первом сражении проявили волю и умение, а значит, можете к нам попасть. Ты, говорит он мне, таких зверей завалил, что я сам не справился бы лучше, ну как же, сам себя не похвалишь, никто не похвалит. Пошли к нам, – по мере моего монолога лицо Лекса вытягивалось, и глаза расширялись. Я видел, у него есть желание стать крутым бойцом, глаза загорелись, дыхание участилось, наверно и мечтает, как врагов будет крушить, или как к отцу придет хвастаться. – Но, говорит, один, друг твой конечно молодец, но мал, молод, да так зачем он нам.

На лице Лекса отразилось удивление, смешанное с обидой и крушением всех надежд, он стал похож на рыбу, выброшенную на берег.

– Но, но... – пытался сказать он.

– Так, тихо! Еще он сказал, что чтобы стать десантником, ты должен бегать, как лошадь и стрелять, как эльф.

Про эльфов я слышал, когда расспрашивал про другие расы, кроме орков, населяющих континент. Главное их достоинство было в том, что они являлись непревзойденными стрелками из лука.

– И, и тогда я смогу стать десантником? Бегать, как лошадь и стрелять, как эльф. А я с лука стрелять должен или арбалет тоже можно? – преданно заглядывая мне в глаза, спросил он.

Ну, здесь уже я сдерживаться не стал. Засмеялся. Сначала было такое же лицо с немим вопросом, а потом пришло выражение озарения. Догадливый!

– Ты обманул меня! Почему? Я же... – но закончить я ему не дал.

– Будешь меньше над товарищами смеяться, – еще раз хотнув, просипел я. – Да и про десантников наш сержант и не знает ничего. А если хочешь стать хорошим бойцом, то я знаю, что нужно делать.

– Что? – обиды забыты, опять это преданное смотрение в глаза, но шутить я больше не стал. Хотя Лексу показалось наоборот.

На полном серьезе я сказал: – Работать над собой, тренироваться, не стесняться и учиться, постоянно. Тогда и не стыдно будет перед отцом предстать.

– Подожди! Откуда ты узнал?

– Дак это у тебя на лице написано, собирайся, надо выйти отсюда.

Горло пересохло, нужно сходить попить. Да и утренние процедуры нужно делать. Кое – как замотал портянки, и надел сапоги. Их покрывало множество трещин: хорошо хоть не развалились еще, Лекс тоже молча собирался. Остальным

же, кажется, было все по барабану, даже капралу, что командовал подъем. Он был с нами в бараке, и не пошел домой, как остальные сержанты, ему самому хотелось еще отдохнуть. На улице было зябко и свежо, солнце только поднималось. Воздух был чистый и вкусный, я вдыхал его полной грудью, стоя на крыльце барака.

– Пошли, Влад, уборная в той стороне, – указал Лекс за угол.

Сделав свои дела, шли обратно, когда на обратном пути я заметил колодец. Рядом стояло ведро с привязанной к нему веревкой. Воду набирать не пришлось, ведро было полное. Набрал воды в ладони, хлебнул, холодная, аж зубы свело, зато чистая, то, что надо. Чтобы не передумать, быстро снимаю рубаху, кладу ее на борт колодца и, зачерпывая воду, начинаю обтирать торс, руки, лицо.

– А-а-ах! Хорошо!

– Влад, а что ты делаешь?

– Я умываюсь, что не видно?

– Но вода ледяная! Я ее глотнул слегка, аж нутро замерзло. А ты мыться?

– А ты привыкай. Да и есть еще один плюс. Посмотри на мой торс, – сказал я ему. Тело у меня было все желто – синее, в кровоподтеках, левая рука в районе локтя прям бордовая. Было уже такое, когда на локоть падал, ничего страшного, просто поболит.

– Знаешь, мне больно, тело ноет, как будто с лестницы

упал, так вот, холодная вода освежает, дает мышцам расслабиться. Так что мне уже легче, а я еще подвигаюсь, – начинаю крутить руками, двигать корпусом – чтоб кровь разогнать. – Мы молодые, все болячки у нас сходят от движения. А еще, неизвестно, что нас заставят делать сегодня. Или будущий десантник боится воды? Так знай! Дождь десантника не моет, дождь десантника бодрит!

– Дак это же вода с колодца, а не дождь.

– Логично. Но тебе не все равно? Главное тут – вода.

Решившись, Лекс быстро снимает рубаху и начинает также обливаться. Потом начинает махать руками, делая как я.

– Да, и вправду освежает, – прыгая на месте, говорит Лекс. Ответить я не успел.

Из – за угла выходит какая – то пышная женщина лет сорока. Одета она была в форменную одежду поваров, что нас вчера кормили. Я еще запомнил по тарелке с кубком, что были вышиты у них на левой стороне груди. В руках она несла большой кувшин. Возможно, она задумалась о чем – то своем, потому что когда она нас увидела прыгающих, с голыми торсами, махающими руками, то от неожиданности выпустила этот самый кувшин. Потом посмотрела на нас, на кувшин и опять на нас.

Ох, такого голоса я не слышал никогда, звонкий и громкий, он буквально заставлял мои уши морщиться. Поэтому, недолго думая, схватил свои вещи и побежал, причем, на

всякий случай, не в сторону нашего барака, не хватало, что бы она туда пошла и перебудила всех наших. Краем глаза заметил, что одновременно со мной свою одежду подхватил Лекс.

Правильно, нечего нам тут делать, еще будет рассказывать, что мы виноваты. Остановившись за углом, мы засмеялись, понимая, как непонятна была та ситуация для женщины и, одевая рубахи пошли к своему бараку.

Однако на этом неожиданности дня не закончились. Выйдя из – за угла, мы увидели все наше подразделение, которое стояло, построившись, вероятно, перед нашим новым командиром. Звания я не видел, но простая одежда и то, как он кричал на капрала, не давало в этом усомниться.

– Так! А это кто такие?! – крикнул командир, увидев нас. – Ко мне!

Подбегая к нему трусцой, по старой привычке, вбитой суровыми командирами, перехожу на строевой шаг.

– Боец Влад Чудной, лэр, – ровным голосом, без подхалимства, уверенно, как и положено старослужащему, отвечаю я. Сзади что – то там бухает Лекс. Блин, он же за мной повторил. Вот же я придурок, какой раз уже палюсь.

– Боец Лекс Оксли, лэр, – так же спокойно и с достоинством отвечает парень. Молодчага, не растерялся.

– Где были?! – мощно, но уже с меньшим напором спросил тот, видно, уже оценил бравый подход и доклад.

– Мы ходили в уборную, лэр, – решил ответить я.

– Ага, поэтому и отдышка видна, – заметил тот. – В строй! Повезло вам, еще ничего не пропустили.

– Да, лэр! – синхронно ответили мы. И выполнили приказ. Вроде не дуралей, наказывать ни за что ни про что нас не стал.

– Так, а ты с глаз моих уйди! Больной! Позже зайдешь ко мне, – это он уже капралу, что был с нами.

– Бойцы! Я лейтенант Генри Вайс. Я ваш новый командир. Сейчас мы с вами перейдем на новое место дислокации. В учебный лагерь. Там вас разместят и покормят. С собой взять только свои мешки. Чтоб через кварту все стояли тут. Бегом! – строй буквально испарился, в дверях на входе была толкучка. Решил не спешить, да и Лекса придержал.

– Ну и как тебе наш новый командир, – спросил он.

– Посмотрим, – многозначительно ответил я. Ощущения были двоякие. Вроде простая одежда, должен быть обычным нормальным парнем, как и наши предыдущие командиры, но лейтенант имел что – то за душой. Сильный уверенный взгляд, от него буквально разило опасностью. Иакие ощущения были в новинку для меня, на всякий случай решил не злить их нового командира.

Заскочив в барак, сморщился, вонь стояла неимоверная. В глазах защипало. Портянки, пот, еще что – то, от чего я побоялся, что мое обоняние после свежего воздуха исчезнет. Поэтому, быстро метнувшись к койке, взял ранец и выскочил на улицу. Лекс сделал то же самое.

Но на этом день удивлений не закончился. Когда я посмотрел на то, что творится во дворе, я буквально ошалел.

К баракам шагом в ногу в коробках по четыре, в латах подходили гномы? Были они низкие, точно не сказать, где – то метр шестьдесят и необычно широкие, где – то сантиметров восемьдесят. Это было довольно неожиданно и странно для меня. Их сопровождали всадники. Один из которых, заведя нашего командира, отделился от строя и поскакал к нему.

– Кто такие? Что тут делаете? – еще издали закричал он. – Освободите территорию, здесь расположение наемников из полутысячи Гарта Сломанная Секира!

Наш командир дождался его и негромко ответил:

– Шестая рота учебного лагеря. Находились тут по приказу сэра Лодика. Сейчас соберутся, и мы уйдем.

– Сержант! Вы забываетесь! Перед вами оруженосец сэра Парика! Почти сэр! Так что собирайте свое быдло и валите отсюда! – горячо выпалил всадник и указал на нас.

Только тут я заметил, что парень совсем молодой, но это не освобождало его от неумения фильтровать базар. Да и Лекс от этих слов пришел прямо в ярость. Я еще никогда не видел его таким злым и никогда не думал, что увижу. Он даже с орками, когда дрался, не был таким злым. Похоже, быдло он сказал на нас зря, да и вроде он назвал лейтенанта сержантом.

– Что?! – наш лейтенант одним прыжком оказался рядом

с всадником, схватил его за кольчугу на воротнике и стянул с коня, повалив на землю. Да так ловко, что я аж крикнул, силен командир.

– Ты, щенок, что себе позволяешь? Я сейчас выпущу тебе кишки, и ничего мне за это не будет! Я лейтенант Генри Вайс!

Услышав это имя, из парнишки как будто воздух выпустили. Даже когда его стянули с лошади, он сохранял спесивое выражение на лице, хотя скорее от неожиданности. Он растерялся и пытался что – то ответить, однако вместо этого выходило какое – то несуразное мычание.

– Что здесь происходит? – сильный спокойный голос заставил меня поежиться.

На мощном боевом коне, не таком, как у оруженосца, восседал здоровый опытный рыцарь, это доказывали смятые доспехи в местах ударов и рыцарская цепь поверх них. – О, Генри! Почему ты избиваешь моего оруженосца?

– Парик, дело в том, что твой оруженосец совсем не обучен манерам. Да еще назвать меня сержантом, а моих бойцов быдлом. Это нужно обладать недюжинной смелостью или быть тупым как мул, причем я склоняюсь ко второму варианту.

– Ох, Генри, твой язык все также остер, прими же мои извинения за моего подопечного.

– Да не стоит, Парик, просто научи его общаться с теми, от кого будет зависеть его жизнь и жизнь его братьев рыцарей,

претензий нет.

– Чудной! Помоги оруженосцу сэра Парика залезть в седло, – улыбаясь, сказал лейтенант.

– Да, лэр! – бодро ответил я и трусцой побежал к лошади. А хорошая память у лейтенанта, запомнил. А вот хорошо это или плохо узнаю я позже. Помогая встать оруженосцу, поставил его в вертикальное положение. Потом вытянул колено и положил на него ладони. Он смерил меня презрительным взглядом. Запомнил, понял я, ведь я был свидетелем его позора. Баран! Не надо было понты колотить, никто из нас все равно не оценил!

– Давайте, сэр оруженосец, – мягко и с честнейшим лицом деревенского простачка, сказал я.

– Извините еще раз, сэр Генри. Всего доброго, – сказал сэр Парик, разворачивая коня и отправляя его к ожидающим спутникам.

В этот момент сэр Генри сплюнул и грязно выругался, а оруженосец прилег на землю второй раз. Все дело в том, что когда он на руки мне становился, меня «якобы случайно» повело в сторону. Оруженосец подскочил с криком: «Держи крепче!» – попытался повторить свое намерение, но опять растянулся. Лекс, видимо понявший мой намек, быстро подскочил ко мне со словами: «Да ты вообще быдло, дай я помогу господину сесть в седло». И самое главное подскочил с такой же вежливой улыбкой. Посмотрев на нас, а потом на лейтенанта, оруженосец запрыгнул на лошадь сам и, сорвав

в галоп, поехал догонять своего командира.

– Вот так и будем со всяким хамлом поступать, – шепнула я Лексу, глядя вслед оруженосцу. И опомнившись, разворачиваюсь к лейтенанту, подталкивая Лекса.

– Лэр, ваше приказание выполнено, – как обычно бодро доложил я.

– Оксли! Зови остальных, уходить нужно, – с мрачной улыбкой сказал он.

Так началась новая страница моей жизни.

Когда пришли в лагерь, солнце уже окончательно встало. Была приятная погода, теплый ветерок приятно обдувал тело. Я бы даже сказал, что все очень здорово, если бы мы не бежали. Лейтенант сказал: что если кто –нибудь отстанет, то на этого человека он оденет кирасу и заставит в ней находиться постоянно. Я ему поверил, да и все остальные тоже. Этот может.

Поэтому бежали все за лейтенантом, напрягая все свои куцые силы. Особенно меня смешил худой паренек, что бежал рядом. Не знаю, что с ним такое приключилось, возможно, длительная голодовка, может болезнь, но он просто был очень худой. Странно, что я его раньше не заметил, уж очень у него запоминающаяся внешность. Он быстро выдохся, тяжело топая, бежал рядом со мной. Пришлось его подхватить за руку и тянуть за собой, когда он начал отставать.

Я когда – то сам таким был. До армии бег вообще не любил, это потом меня заставили с ним быть хотя бы в нормаль-

ных отношениях. А так, вначале меня тоже тягали и на ремнях, и под руки брали, ничего, вот так отдам свой должок.

Рядом бежал Лекс, спокойно, не напрягаясь, даже дыхание не сбивалось, он только вспотел. Пользуясь тем, что бежал в первой шеренге, пытался рассмотреть город хоть как – то. Я до сих пор ничего не знал о здешнем мире. Да, кое – что я слышал из разговоров в камере, но все нужно увидеть своими глазами, сравнить, проанализировать. Чтоб потом не спалиться на простом незнании местных реалий.

Бежали мы долго, минут тридцать, так что мне хватило. Начнем с того, что дорога, по которой мы бежали, была широкой – метра четыре, каменной, сложенной из камней разных размеров, и хоть на ней лежал песок, было заметно, что они стесаны, значит, по ним часто ходили. Вдоль дороги пролегали канавы, от них, конечно, несло, но, как я понимаю, это тут вместо канализации. Дома были разные, одни из камня, другие из дерева, почти все двухэтажные. Было видно, что это не очень богатый район, серый он какой – то, без красок, поэтому не было никаких заборов, хотя может это везде так. Вместо окон были ставни.

Видел я и людей. Их, конечно, было много, но буквально заведя нас, они убирались, отпрыгивали. Женщины провожали взглядами. Одежды были такими же серыми, как и сам район, как и их лица. Не хотел бы я тут жить.

Еще одна неожиданность поджидала уже на финише нашего забега. Еще когда бежали, я заметил, что над некото-

рыми дверями сверху висели большие таблицы, на них были нарисованы то нитки, то кружка с тарелкой, короче, их было много, но я не запоминал и так понятно, это какой – то магазин или бар. И вот когда мы забежали в ворота за большим забором, я понял, что написано над главным входом, а написано там было ровным каллиграфическим почерком на таблице: «Склад. Порт». И тогда я ощутил ароматы порта, протухшая рыба, водоросли, еще что – то. Ноги тряслись, грудь горела, я порядочно устал, да и тело все еще ныло после вчерашнего. Поэтому до меня не сразу дошло, что произошло.

Не знаю, кто и что со мной сделал, но я умел не только говорить, но и читать на чужом языке. Да уж, вопрос актуальный, но мне сейчас нужно выжить, а всем остальным можно будет заняться потом. Да и было чем заняться.

Наш лейтенант перешел на шаг. Радостный вдох прошелся над строем, морща лица и держась за бока, мои товарищи по несчастью еле переставляли ноги, как будто все силы оставили на дистанции, но, как ни странно, никто не отстал. После того как всех проверил, командир хмыкнул, развернулся и зашел в здание, на котором было написано «Администрация». Как только он скрылся, строй повалился, как кегли. Я опустил на землю того парнишку, что тащил за собой. Тот буркнул что – то типа благодарности и буквально стек с меня.

А я решил осмотреться, и посмотреть было на что. Огромное пространство буквально было заполнено воинами. Лю-

ди сновали туда – сюда. Отрабатывали какие – то упражнения, дрались строями, бегали, прыгали. Слышались различные команды, стоял приличный гул. Пересчитать никого не получилось, людей было ну очень много. По моим прикидкам выходило где – то человек под тысячу. Все что – то делали, а мы выглядели как потерявшиеся дети в этом месте.

– Чего посели?! Встать! – о, это уже наш командир пришел. – Прошлись пешочком, а уже ноги отказывают. Бедолаги.

Не знаю, что случилось со строем, но у них буквально второе дыхание открылось. Все подсказывали с мест. Вот что значит правильно познакомиться со своим личным составом. Видимо, решили, что раз уж он других рыцарей ни во что не ставит, так их вообще совсем убьет, хотя тогда на улице были только мы с Лексом. Надо будет и мне так делать, бысирее приказы будут выполняться. Рядом с ним стоял представительный мужчина среднего роста и телосложения с аккуратной бородкой и в светлой одежде, много лучшей, чем вся виденная до этого мне. Сначала нас разместили в какой – то большой комнате, видно в бывшем складе. Выдали циновки, их мы разместили прямо на полу, нар не было.

Потом завтрак на улице. Давали кашу с мясом, вкусную. Я, оказывается, уже забыл, как мясо вообще выглядит, компот, особенно после того бега, вообще за милую душу пошел. После этого завтрака я готов был расцеловать лейтенанта за

то, что он меня сюда привел. Но это желание пропало, когда нам представили командиров.

Мы с Лексом сразу заметили его антипатию к нам. Говорил он тихо, как бы ссезивая слова, маленький, толстый с глазами – бусинками, он больше походил на тупую, толстую, агрессивную даже к своим хозяевам собаку. В общем, противный тип людей. Скорее всего, совсем недавно получил повышение, а вел себя вызывающе, как будто сам рыцарь. Лейтенант тоже был не в восторге от этого типа, но говорить ничего не стал, только кривился.

Мужчина, который вышел с лейтенантом, оказался писарем, записал наши краткие данные и определил во второй пул третьей сотни шестого легиона.

– Капрал, командуйте! – отдал команду лейтенант.

– Да, лэр! – ох, и противный у него голос. Чувствую, хана нам. Сам я сидел тихо и присматривался. Это моя позиция. Если чего – то не знаешь, спокойно посиди, присмотришься к людям, может, что – нибудь пропустил.

Лекс пытался у меня кое – что спросить, но я отмахнулся. Однако это все равно не помогло. Своим «приятным» голоском он спросил, о чем мы там болтаем. А, не услышав ответа, начал меня гнобить. Пользуясь тем, что рядом лейтенант, я не возникал и молча выполнял все команды, но внутри меня все перевернулось, если бы мы вышли сейчас один на один, я бы его прибил.

Так надо мной еще никто не издевался, когда мы начали

отрабатывать приемы и действия с оружием на мне были железные ржавые доспехи. Не знаю, где он их взял, но весили они килограмм сорок, старые и ржавые, они тянули меня к земле. Попросив Лекса ни в коем случае не вмешиваться, выполнял все приказы. Потом был обед. И опять занятия. Чтобы утрясти обед, как сказал наш капрал, и отдал команду пробежать три круга по порту. Я пришел последним, за что отправлен на еще один.

И потом опять тренировки: защита, удар копья и еще и еще. Было тяжело, руки отваливались, пот лился, как из ведра. Вся одежда была мокрая. Я старался не показывать, как мне тяжело, и это очень злило Крысу, как про себя я окрестил капрала. После ужина, когда стемнело, Лекс помог мне снять этот сраный доспех и пойти окунуться в воду. Неожиданно ему нашелся помощник. Тот худой смешной парень, которому я помог бежать с утра. Звали его Ленс, он оказался с нами в десятке. И хоть он сам устал, что его шатало, но помог окунуть меня, да и сам окунулся после лекции, что прочитал ему Лекс. Когда уже присел на свою циновку, сказал ему, ни в коем случае не вмешиваться. Я знаю, что делаю. И вырубился.

Глава 4

Боец второго пула третьей сотни шестого легиона Олекс эл Тор был в ярости. Его, потомственного аристократа в двадцать четвертом поколении, пытались построить, как какого – то крестьянина.

И кто? Толстый, неуклюжий и невежественный капрал. Ладно бы человек был достойный. Олекс уже давно не имел этих зашоренных глаз, как у большинства молодых дворян в его возрасте. Никакая голубая кровь не сделает тебя человеком, если ты моральный урод.

Гордость, честь и достоинство есть у всех людей, невзирая на происхождение. Уже все вокруг давно поняли, что лезть ко мне не нужно. Я вперил свой взгляд в этого капрала, это буквальный позор всех стражников, толстый, маленький, он не тренировался с нами, он нас гонял.

Да еще и выглядел при этом будто сам маршал. Учителя всегда меня учили думать головой, а не сердцем, и при выполнении важных дел отключать эмоции: «Олекс ты будешь руководить людьми, и будут в твоей работе такие моменты, когда захочется все бросить, плюнуть и, не стерпев, попытаться защитить своих людей, но ты не должен этого делать».

Он научился закрывать глаза на многое, но сейчас задевают не его и даже не его человека, задевают его друга...

Олекс был третьим сыном барона эл Тора. Двадцать че-

тыре поколения отличных воинов. Их род всегда стоял на страже Маридского королевства, поддерживая трон во все времена, и даже был вбит в зале почета в главном королевском дворце среди представителей других семейств. И было за что, ведь немало легенд и баллад сложены про отдельных представителей его рода.

Самое примечательное и заметное в их роду было то, что еще никогда никто из их родичей не поднимали руку друг на друга и всегда оказывали помощь главе рода. Конечно, были и отщепенцы, были и ссоры. Но всегда, какое бы не принял решение глава, остальные всегда ему следовали. Весь секрет заключался в том, что основатель рода был продан своей родней в рабство, но сила его духа была настолько большой, что он вырвался из рабства и даже стал воином на службе короля, чем заслужил дворянское звание барон.

Тогда – то он и заколдовал свою кровь, чтобы предки берегли друг друга. Красивая легенда – сказал бы кто –нибудь. Да и Олекс тоже, если бы не прочитал данную историю в семейной летописи. Она не для всех. Только для барона и его детей, чтобы знали историю семьи.

По возможности детей этого рода всегда отдавали учиться в различные воинские школы. А если повезет и в ребенке проснется дар, то его отправляли напрямую в столичную академию магии, дабы тот увеличивал и преумножал их славу, славу эл Торов.

Так случилось с Франком, наследником отца. Его отпра-

вили в школу рыцарей. Туда брали детей родовитых дворян, которых воспитывали в самых жестких правилах как будущих наследников. Второй сын, Торуш, был прекрасным бойцом, и отец отправил его в военную школу. Там воспитывали тоже любовь к Родине, но там учились дети и из простых, которые могли бы потом командовать в офицерском звании. В первую очередь эта учеба помогала заводить полезные знакомства, находить интересных людей, которых можно было принять в дружину.

Но Лекса ждала другая судьба. Еще в младенчестве у него заметили дар к магии. Совсем маленький, никудышный, его резерва хватало только для пары самых слабых заклинаний. И пусть общеизвестно, что пользование силой увеличивает резерв, это бы сильно ничего не изменило, но в полгода маленький Олекс заговорил, слабо выговаривая слова, но заговорил, причем явно осознавая, что говорит.

Нянек и других женщин, что видели ребенка, это умиляло, а вот отца нет. Уже тогда он все окончательно решил. Он решил подготовить сына как руководителя разведки, который мог получать нужную информацию. Ведь она дорого стоит во все времена. Да и множество вопросов можно решить, не проливая крови, всего лишь сказав пару нужных слов в нужное время.

А когда ребенок в играх с другими детьми начал хитрить и выигрывать, то был сразу забран отцом. Были наняты различные учителя, вплоть до одного из лучших воров столицы.

Как обычно, эл Торы предпочитали высокое качество и профессионализм. Ребенка начали учить тому, чему других детей не учат. Шпионаж и диверсии, аналитика, языки, логика, арифмантика. Не забыли и про бой с оружием и без. Различное оружие – от ржавого меча до копья, и любым он мог орудовать и убивать врага. Правда, по большей мере убивать его не заставляли, все знания были сугубо теоретического плана с отработкой основ.

Не забыли и про магию. Она развивалась тяжело, слабый магический резерв, малый возраст, делали это большой проблемой, но мальчик славился прямо ослиным упрямством. Эти занятия проходили в секрете. Никто не знал о них, кроме отца и его кузена Оусли, который был замковым магом и непосредственно учителем маленького Лекса.

Заклинаний он выучил немного, только самые простые и доступные для резерва: огонек, тени, фонарь, скрыт, но на таком уровне, что при наличии желания нужное заклинание было бы сразу сформировано. Это позволило бы будущему серому кардиналу иметь свой козырь в рукаве. И так бы и было, прекрасная подготовка и холодный разум сделали бы его фигурой, которая не раз портила бы жизнь сильнейшим мира сего, но судьба любит вплетать свои коррективы.

Отец заболел. И лежал без чувств. Незвестную болезнь не могли вылечить никакие маги. Такое бывает, к сожалению. Есть неизвестные болезни, которые до сих пор не могут излечить. Хотя Лекс склонялся к тому, что отца отравили

или воздействовали как – то по – другому. В любом случае, как он ни искал, найти ничего не смог.

Вместе с этим было потеряно большое влияние при дворе короля. Слишком многое было завязано на отце, на них оказался большой долг, неизвестно откуда появившийся. Навалились проблемы: то разбойники по дорогам пройдутся, то у крестьян животные помрут. И последним стала засуха прошлого года.

И сразу все отвернулись, никто не хотел им помогать. Проблемы валились одна за другой, и тогда брат придумал элегантное решение. Лекс должен был взять в жены дочь одного из богатых купцов или банкиров. Хорошее приданое – в обмен на дворянское звание для невесты. Это могло дать передышку и решить многие проблемы. Лекс не стал ссориться с братом.

– Это не выход, – сказал он и ушел. На случай проблем у него был сделан схрон. Все это было неспроста, видимо, они кому – то перешли дорогу, а значит, есть тот, кто во всем виновен, и он его найдет. А братья справятся. Если бы не засуха, то уже сейчас у них все было бы нормально. Ничего как –нибудь переживут этот год.

Но Франк видно сильно разозлился, за младшим братом началась охота. Хорошие охотники искали с собаками, но собакам я нюх отбил, а охотников водил кругами, не зря меня натаскивали лучшие из лучших. Несмотря на то, что Лекс неизменно от них уходил, они почему – то снова и снова

его настигали. Несмотря на все ложные пути. Оказалось, они шли по какому – то артефакту. Насколько Лекс знал, сила таких артефактов небольшая, поэтому пришлось резко увеличить темп и сбросить их. В ближайшем селе его уже искали. Поэтому и созрел этот план. Пришлось возвращаться в замок, скидывать одежду и делать схрон. Свои длинные волосы обрезал. Теперь из замка уходил не Олекс эл Тор, а простой крестьянский сын Лекс. Изменилась не только одежда, изменилась походка, взгляд.

Олекс применял все, чему его обучили, и пусть он знал еще не все, но многое. И перед ним было множество дорог. Какой же пойти, он думал недолго. Потому что, войдя в трактир, его перепутали с каким – то крестьянином. Лекса забрала стража, предварительно избив, а ушлый хозяин трактира стал богаче на его скудный хабар.

Сразу в камере он ничем не выдал себя, а потом просто вел себя тихо. К нему никто не лез, все были замкнуты в себе и переживали смену своего статуса. А потом его перевезли в графство Марсен.

Лекс был в шоке. Он никогда не задумывался, как живет-ся этим простым людям: крестьянам, ремесленникам, горожанам. Как и чем они зарабатывают себе на жизнь. Как правило, отец не скрывал этого, но преподносил немного в другой форме, от чего парень думал, что все намного проще.

Сам он ни с кем бесед старался не заводить, больше слушал, запоминал, анализировал. Он, как баронский сын, мало

что умел делать своими руками. И не знал, что будет дальше, и кто его купит. Своего будущего хозяина он уже досрочно ненавидел. Но жизнь предоставила ему шанс, неожиданное нападение орков давало возможность выйти из тюрьмы свободным. Возможно, кто – то их, орков, за это ненавидел, но Лекс отнесся к этому вторжению, как к манне небесной.

Построение, сон в холодном бараке и поход на помывку. Где он встретил его. Своего первого настоящего друга. Казалось бы, знакомы всего ничего, но Влад – настоящий мужчина и друг. Тогда на речке Лексу просто выдали штаны чуть лучше, чем у других. Он не знал, как себя вести, бывшие разбойники, обретшие свободу, стали не просто действовать наглей, они стали чувствовать себя хозяевами положения. И стали придирааться ко всем вокруг.

Вероятно, им хотелось повеселиться, а Лекс просто задумался и на агрессию ответил агрессией, не стоило тогда вырывать штаны, может быть, все и прошло бы, но бугаю это не понравилось. Он нашел жертву, которая сопротивляется, а им же такое нравится.

А сделав неожиданный поступок, не предусмотренный по его поведению, Лекс рассчитывал варианты, как уйти правильно. Но положение спас Влад. Лекс никогда не видел такого удара, конечно, отец нанимал ему учителя по кулачному бою, но только из – за этого Лекс и рассмотрел, что удар был не просто ударом, это был удар, который не раз отрабатывали и пробовали.

Потом бывшие наемники вступились за них, это, пожалуй, кроме как магией и не назовешь. Потом бой, неожиданное нападение заставило его растеряться, если бы тогда на него выскочил орк, то точно бы убил. Но опытные ветераны, что стояли рядом, начали действовать, пришлось и ему шевелиться. Влад, который за время боя был на волоске от смерти. Потом совместная работа. Лексу даже кажется, что Влад дворянин, как и Лекс. Правда, со странностями, но такое и прозвище – Чудной.

Совместное горе, радость и труд необычайно единят всех участвующих в этих процессах, даже если раньше они были врагами. Проведенные вместе минуты заставляют если не помириться, то уж относиться друг к другу терпимее. Это чувство и испытывал Лекс к Владу, к человеку, который общался с ним не потому, что он сын барона и не потому, что это было выгодно ему. А потому, что Лекс был ему симпатичен как человек.

И вот сейчас его друга гонял какой – то бывший стражник, который и копье – то толком держать не умел, да и за что, за то, что он ему не нравился.

Сильный, здоровый. Видно было, что многие из бывших крестьян смотрят на него, на его действия. Многие видели, как он дрался с орками, а кто не видел, тот слышал эту историю у костра. Которая с каждым разом увеличивала количество орков в несколько раз. Время в тренировочном лагере шло, а слава бойца Влада Чудного еще больше росла. Ка-

прал сам не раз слышал эту историю и его это еще больше злило. Он даже нашел Владу еще и шлем тяжелый, но это его только смешило. Лекс не понимал, как так происходило, но капрал хотел унижить Влада. Выдал тяжелую защиту. Постоянно придирался. Отправлял на штрафные круги. А Влад только улыбался, что доводило капрала просто до ярости.

Зачем он так делал, тоже непонятно, но за прошедшие три дня сам он до кровати не доходил. А когда Лекс спрашивал его, почему он так делает, Влад неизменно отвечал: – Тяжело в учении, легко в увольнении.

Эта фраза почему – то очень рассмешила лейтенанта, когда он спросил Влада, отчего тот в кирасе, да еще для конного боя. И опять получилось так, будто не капрал его наказал, а он сам специально ее одел. Учеба проходила довольно вяло. Их обучали тому, что умело каждое ополчение. Держать строй, закрываться щитом и бить копьем. Вроде простые упражнения, но постоянные учения и повторения одних и тех же элементов заставляло попотеть. Парни из десятка тоже стараются, конечно, устают, но все они как – то сдружились с Владом не то, что он ревнует его к другим как к другу. Просто это констатация факта.

Во время небольшого отдыха Влад собирает возле себя различную аудиторию и рассказывает различные маленькие смешные истории в лицах, он назвал это анек – дот. Что за странное слово, не знал никто, да и всем было все равно. Все смеялись. Вот за эти анек – доты капрал и построил их

десяток и кричал на Влада. Что – то про дисциплину. В бараке никого не было. День выдался на удивление жарким, и усталые люди просто легли на солнце. Капрал рассказывал нам, какие мы плохие. Я, как и многие другие, костерил его про себя, и просил уйти куда подальше. А дальше произошло то, что я увидеть не ожидал.

Влад

Я не хотел этого делать, но он меня заставил, этот пацан заставил меня себя ненавидеть. Я не хотел высовываться, я хотел просто научиться защищаться и работать с оружием, так, чтобы остаться в живых. Но этот капрал просто выводил меня из душевного равновесия, не знаю почему, но именно ко мне он докапывался больше всего. Хотя мы с ним и незнакомы были до этого дня, и дорогу я ему перебежать нигде не мог. Он отправляет меня еще на один круг, но я молчу, не кричу, не сопротивляюсь, это ведь ничего не даст... Прибежал последним? Дак на мне же целая гора железа. Как я могу нормально в ней бегать? После первой утренней пробежки я понял, или я загнусь от таких пробежек или загну его.

Тело все болело, еще не отошедшее от боя, оно со скрипом приняло новые препятствия. Ну, ничего, знаю я, как тебя с пьедестала уронить. Еще вчера, когда ложился спать, я видел, каким тяжелым взглядом на меня смотрел Лекс. И поэтому попытался его успокоить словами, хотя еще ниче-

го не решил, просто не хотел, что бы парень наделал глупостей, но сегодня я твердо решил, я его подвину эту Крысу. Посмотрим, кто кого.

Я не собирался грозить ему карами или бить, за такое меня бы точно по голове никто не погладил. А мне свою шкуру беречь надо. Я решил взять все в свои руки. Непонятная обстановка и новые командиры многих выбили из колеи. В воздухе была такая напряженная неопределенность, боязнь чего – то, мне просто было не по себе, и эту страшную атмосферу я и решил изменить. Вроде прошло всего пару недель, а для меня как будто целая жизнь. Такой интенсивности у меня в той жизни не было.

И вот в своем мире я служил в армии, я был заместителем командира взвода, сержантом, там тоже было сложно, но решения находились всегда, нужно было только не бояться взять на себя ответственность. К своим обязанностям я относился всегда чуть с большим рвением, чем это было нужно, может, это и было не совсем правильно, но для меня и для моих принципов это было очень важно. Я не любил негативного проявления дедовщины, такого, как избивание, чмырение, стирка носков и тому подобное.

В моем представлении армия – это одна семья, братство. И я читал книги о Великой Отечественной войне, и фильмы у нас про это показывали. И я хотел, что бы у меня во взводе тоже такие были отношения, пусть я был не отцом – командиром, но хотя бы старшим братом. Не могу сказать, что у

меня это получилось, но с молодым пополнением у меня были нормальные отношения. Да и перед моим дембелем они рассказывали, что у нас во взводе отношения получше, чем у других, и деды не перегибают палку. А значит, моя работа была не просто так, опыт есть, и поле для работы есть, так что выживем.

Когда начали отработку работы в строе, я стал показывать соседям, как правильно становиться, как правильно бить. В принципе ничего сложного в работе с копьем не было, я припробовался, только мешала эта долбаная кираса, и еще этот уникум припер откуда – то шлем, такой же старый и такой же никому не нужный, как и кираса.

Кираса натирала мне все: и спину и плечи. Подкладки не было, и она ездила по плечам. Шлем на голове был как чугунок, который так и хотел свалиться при резком движении. Внутри было как в печке. Это заставляло меня выкладываться по полной. И когда капрал мне командовал, приходилось ласковым голосом ему отвечать:

– Да, лэр! Будет исполнено, лэр! – а тот совсем не понимал, что происходит и сильнее выходил из себя. Другие капралы, слыша это, радостно ржали и улюлюкали, видимо, наш командир не имел авторитета. Это также веселило мой десяток. Ведь другие командиры пытались чему – то научить и давали больше отдыха.

После приема пищи у нас было, где – то около получаса отдыха. В это время я садился и начинал рассказывать анек-

доты. Я удивился, когда узнал, что здесь такого не знают. Хоть никогда подобного артистизма за собой не наблюдал. Рассказал пару анекдотов, переделанных, правда, но которые были приняты на ура. Люди устали, постоянное физическое и психологическое истощение давало о себе знать. И требовался выход таким образом. Да, этим людям было тяжело, но мне было тяжело вдвойне. Меня тоже не покидало напряжение, приходилось постоянно острить и вести себя как половумный мазохист, но моральная поддержка Лекса, и то, что он мне помогал вечером, давала о себе знать.

Так прошло три долгих тяжелых дня. Я видел, как бойцы из моего десятка становятся, что ли, поспокойней, уверенней в себе. Они начали больше общаться друг с другом. Лекс этот вообще загадочный парень, ходит, слушает всех. Что – то рассчитывает, думает.

Как обычно после обеда я планировал провести воспитательную беседу с ребятами, но, как всегда, вмешался отдельный индивид с прозвищем Крыса. Он загнал нас в барак, построил и начал на меня кричать, смысл был в том, что я нарушитель и если не прекращу, то он мне плетей даст. Этого я уже не выдержал, мне просто надоело дурачиться. Звонко упала кираса, за ней полетел шлем.

– Послушай меня, сынок, – проникновенно шепотом начал я, – я долго тебя терпел, но ты реально достал. Если мы пойдем в бой, ты первый сдохнешь от моего удара. Ты лишний тут. Ты не делаешь ничего хорошего. И то, что твой отец

купил тебе капральство, еще ничего не говорит.

Когда он отправлял меня еще в первый день добегать, я останавливался пройтись, а то в боку кололо ужасно, и услышал эту замечательную историю от двух беседующих сержантов. Тогда я не понял, про кого это они, но потом дошло. И вот информация пригодилась. Мне приятно было видеть, как меняется его лицо. От бурого до белого.

– Я тебя в холодную посажу! – со злобой крикнул он.

– А я скажу, что ты надо мной издеваешься потому, что я знаю, что ты с мужиками спишь, – радостно выкрикнул я. За это время я показал много различных вариантов действий. И было видно, что ему это не нравится. Мужеложство тут не то, что не любили, здесь его ненавидели. Я не вдавался в подробности, но это было очень страшное оскорбление.

– Ты не посмеешь... – слабо пролепетал он. – Это не правда.

– Если ты будешь и дальше нас гнобить, то скажу, – уверенно сказал я. – И все подтвердят, скажу, что ты до меня домогался.

Вроде это уже победа, но его трясущиеся губы и дрожащий голос, не давали мне повода для радости. Если бы он был сильным и могучим, то это еще ладно. Но это просто издевательство над человеком. Это вызвало у меня отвращение к самому себе.

– Ладно, капрал, расслабься, чего ты так разволновался? Мы же взрослые люди и не будем друг друга ставить в нелов-

кое положение. Ведь, правда?

Он развернулся и ушел. Молча, не проронив не слова. Мы только расселись на циночках как забежал сержант и вызвал к лейтенанту. Черт, неужели сдал. Тогда будет тяжело, из такого не выберешься. У лейтенанта Генри была своя комната в администрации, из нее он выходил только под вечер посмотреть, как мы занимаемся. И уходил обратно.

Когда я вошел в кабинет, меня встретила пара внимательных глаз. Комната была маленькая, где – то четыре на пять. Мебели тоже было немного: большой письменный стол, пара стульев, шкаф вдоль стены у входа.

Сам лейтенант сидел в низком мягком кресле около окна. Он был в черных кожаных штанах и белой рубашке. Босые ноги лежали на столе, на ворохе каких – то бумаг, одежды. Там же стоял поднос с едой.

Видимо, на творящийся вокруг бедлам ему было абсолютно наплевать. Помещение имело нежилой вид, скорее всего, жил лейтенант где – то в городе. Он молчал, молчал и я. Если уж вызвал, пусть говорит. Меня такое положение дел не сильно смущает, хоть и хотелось бы отдохнуть. Я не смотрел ему в глаза, я не вел себя вызывающе. Встал ровно, спокойно, руки взяв в замок за спиной, ноги расслабил, взгляд направил в окно. Такую стойку у нас называли стойка отставного прапорщика. Спокойная ожидающая стойка и хотя внутри у меня все было напряжено, снаружи было все как обычно. Так прошло минут пять. А потом я услышал хлопки.

– Ты не простой крестьянин, Влад Чудной, – с какой – то веселостью сказал лейтенант. – Любой другой бы на твоём месте уже давно молил бы меня о пощаде и рассказывал про все нарушения, а ты молчишь.

– Да Вы, господин лейтенант, ещё ничего не спрашивали, – как бы недоуменно отвечаю я.

– А что, если я спрошу, что ты нарушил, то ты мне расскажешь? – он заинтересованно наклонился вперед.

– Да я ничего не делал, – делаю удивленное лицо и пытаюсь съехать на дурака.

– А почему тогда во время моего отдыха ко мне заваливается твой капрал и просится обратно в стражу? Хоть и с уменьшением по званию? Не ты ли его заставил?

– Да Вы что, господин лейтенант! – стараюсь сделать голос как можно более предупредительным. – Я ж господина капрала слушался, как отца своего. Он же мне как брат был, он же меня учил, как с оружием управляться! – добавил в голос громкости я. – Уходит? Как так? Почему?

По мере моего монолога лицо у лейтенанта сначала вытягивалось, а потом, видимо поняв, что все, что я говорю бред, засмеялся.

– Да, непростой ты парень, – ещё раз задумчиво сказал он. – Не сломал тебя капрал. Хоть и хотел. Сразу он мне не понравился, вот и поспорил я с ним, что не сможет он тебя сломать. Если бы он победил, то стал бы сержантом, а нет, так и ушел бы. Хотя теперь все равно. А так теперь ты капрал

в своем десятке. Вон нашивка на столе, – и вправду на столе лежала капральская птичка. – Бери, теперь она твоя.

Я подошел, взял ее. И молча, уставился на лейтенанта.

Спор? Вот гад! Меня из – за тебя три дня мочалили. Гоняли и в хвост и в гриву. Захотел бы, сам снял бы, и не дурил никому голову. Эта и еще много мыслей пронесли у меня в голове. Хотя виду я вроде не подал.

– А чем ты смог его испугать? Вроде и небитый был. А хотел уйти сразу же. Ну?

– А вот это, господин лейтенант, я расскажу Вам когда –нибудь за бокалом вина после победы над орками, – на что тот лишь рассмеялся.

– Все иди отсюда, не мешай.

– Да, лэр! – сказал я и притворил дверь.

Когда пришел в барак, то мой десяток воспринял это с радостью, все подходили, хлопали по плечам, жали руки. Таких искренних улыбок я не видел давно. Мне было очень приятно.

Еще когда шел от лейтенанта, я понял, что разит от меня как от лошади. Поэтому объявил помывку в десятке и хозяйственный день. Форма порядочно износилась, и ее требовалось починить. Остаток дня прошел на расслабоне.

Людей я решил сегодня не трогать, пообещав завтра с ними плотно поработать. Во время помывки ко мне подошел наш сержант, но ему я показал нашивку и сказал обращаться к лейтенанту. Тот, видимо побоявшись, ушел. Погода стояла

прекрасная, все быстро высохло. А мы наслаждались впервые за эти дни священным ничегонеделанием. После ужина отправил всех спать. И вроде все опять начало налаживаться, но, как насмешка судьбы, следующий день так и не принес ничего хорошего.

Глава 5

Подняли нас с самого утра. Еще только – только начало всходить солнце. Порт встретил меня неприятной промозглостью, от воды тянуло холодом и влажностью. А обычная рубаха не защищала от этого.

«Сегодня тренировок не будет», – понял я, едва взглянув на одетых в доспехи наших командиров.

Обычно они имеют на себе обычную форму и короткий пехотный меч. Сейчас же поножи, наручи, кольчуги, щиты. Их лица выражали сосредоточенность и напряженность, не было и следа от веселости прошлых дней. Недалеко от ворот стояло подвод сорок со всяким снаряжением. Вероятнее всего, их привезли ночью.

Не люблю я такие крутые повороты на жизненном пути, посетило чувство дежавю. Я уже был в такой ситуации, и мне это совсем не нравилось.

Нас построили. За прошедшие дни ватага крестьян много тренировалась. И пусть это совсем ничего, но в спокойной обстановке все смогли встать в строй на свое место.

В центре стоял полковник эл Сариман, начальник лагеря. Его я видел всего раз дня два назад, когда у нас были занятия. Тогда он ходил гоголем, важно выставляя грудь и лениво переваливаясь с ноги на ногу. По тому, как к нему подходил наш лейтенант, я понял, что сам он, как руководитель и

воин не силен. Хотя если он занял этот пост, то, вероятнее всего, у него влиятельные родственники.

Как – то незаметно для себя я стал сравнивать людей по отношению сэра Генри к ним. Он человек простой и служивый, честный, незадиристый. Он никого не боялся и говорил так, как есть. Вероятно, именно за это его многие пытались избегать. Так что, посмотрев на него, я мог сделать примерное представление о человеке, который находится рядом с ним.

– Солдаты! – начал полковник. – Грязные дикари орки, покусившиеся на нашу землю, заявили нашему пресветлому элу, что уйдут с земли нашей в обмен на золото и припасы. Не дадим нелюдям смеяться над нами... – голос его был тихий и слабый, редкие отголоски долетали до меня. Видно было, что полковник мандражирует он резко махал руками и дергался во время своей речи, наверно у них тут так принято. – Сегодня днем перед городом будет битва. Все войска будут в ней участвовать. Задача нашего доблестного легиона – правый фланг армии. Офицеры, прошу в штаб для получения задач, – скомандовав, он развернулся и пошел в административное здание.

Моя сотня была третья, поэтому мы не спешили. Нас загнали в бараки, чтоб не морозить. Я прилег. Несмотря на то, что я выглядел расслабленно, после слов о битве у меня прошел холодок по спине. Сердце билось, как бешеное, дыхание было прерывистое.

Я пытался успокоиться, но было тщетно. Как я себя поведу в битве? Какой будет враг? Как поведут себя мои ребята? Прошлый бой прошел быстро, перед ним я старался не накручивать себя, придумывал отговорки типа: орков уже не будет, или их до нас кто –нибудь остановит. Да и сам бой. Мне банально повезло, и хоть сам себя я уже лучше чувствую с оружием, но это все равно не то. Да и кто со мной будет в строю? По сути такие же «необстрелянные» ребята. И пусть первый бой они пережили, второй будет только сложнее, из – за чувства страха. Эти мысли роем летали в моей голове. Стыдно признаться, но мне до чертиков было страшно. Один раз, увидев старуху с косой, я не хотел подвергать себя риску.

Мне было тяжело и одиноко. Полежав так минут пять, я понял, что лежать и хоронить себя нельзя. С таким настроением мы точно проиграем. Сколько раз мне было тяжело и страшно? Много и очень много. По натуре я рос добрым мальчиком. Таким добрым, что меня любили обидеть, хоть я и мог и давал сдачи. На тренировки я пошел только потому, что я знал, что сам заставить себя заниматься не смогу. Это уже потом тренировки и тренер сделали из меня человека. И в армию я попросился потому, что осознавал, что это только закалит мой характер. У меня была возможность сдать не один раз. В той же армии было много непонятных ситуаций, неприятных, которыми не хотелось заниматься, но приходилось. И даже если надежды нет, нужно закрыть глаза и, сделав шаг вперед, побеждать свои страхи...

Открыл глаза, сел. Мой десяток, да и другие, выглядели жалко. Потерянные лица, ссутуленные фигуры, эти люди, как никто другой, успели оценить свои возможности и возможности противников в предстоящей бойне, а то, что их кинут в самое пекло, сомнений не было ни у кого.

– Эй, Лекс! – громко сказал я, подзывая того рукой. – Иди сюда! – мой голос, как раскат грома, пролетел над бывшим складом для хранения припасов, служивший нам сейчас казармой.

– Ну? Чего звал? – вопросительно буркнул он, присаживаясь ко мне на циновку. Вот парень, вот это кремень, тут, наверно, самый младший, а держится, не показывает виду, что страшно.

– Ты помнишь нашу первую встречу с орками?

– Ну? – Лекс смотрел на меня недоумевающим взглядом. Типа «ты чего хочешь?»

– Я вот вспомнить хочу перед битвой, как мы, необученные бараны, резали орков. Уязвимые места вспомнить хочу, так сказать, освежить воспоминания...

Лекс

Когда Влад меня позвал, я подумал: ну что ему еще надо. Когда начал спрашивать про то, как мы дрались с орками, вообще встретил недоуменно, к чему это с памятью у него вроде все нормально было. Однако когда я огляделся, то по-

нял, что все смотрят на него, вытягивая шеи и не пропуская ни одного слова.

Вот, что он задумал. Поднять боевой дух нашего немногочисленного подразделения. А что для этого нужно было? Просто рассказать, что орки не такие страшные, как кажутся на первый взгляд. И правильно же говорит – они хоть и сильны, но сражаются без строя, да и без доспехов.

Да! У нас есть шанс. Спокойные разъяснения Влада помогли и мне убрать тревожные мысли. А Влад рассказывал историю, как десять тысяч обученных воинов могли противостоять, чуть ли не тридцатитысячной. Я, конечно, никогда не слышал этой истории, но выглядел весь рассказ очень правдоподобно. Все – таки он точно дворянин.

Построил всех, заставил поверить в себя, умен, умеет обращаться с оружием. Вот таким я хочу стать: сильным, уверенным в себе. А меж тем вон и другие начинают рассказывать что – то. Пусть нет веселья, но и нет той безнадежной тоски, что витала тут еще кварту назад.

– Третья рота! На выход! – это наш сержант. – За амуницией!

Снаряжение, что нам выдали, не сильно отличалось от того, что получали в прошлый раз. Такую же кожаную кирасу и шлем. Щит был такой же, единственное, что было другое – копья. Видимо время было и нам дали новые копья с блестящими наконечниками. Я осмотрелся, лица были у всех сосредоточенные. Веселье пропало, осталось лишь действие. В

барак мы уже не вернулись, нашу роту построили в колонну по пять, и отправили из центра. Уже второй раз мы уходим на встречу неизведанному, и кто бы знал, как мне страшно, но буду надеяться, все будет хорошо.

* * *

Граф Нектор эл Мар был облачен в полный боевой доспех, украшенный серебром и с искусной гравировкой. С его плеч свисал красный бархатный плащ, державшийся с помощью небольших серебряных бляшек. Лицо его было сосредоточенным. В это тяжелое время его можно было назвать величественным, и если бы в шатре был художник, то нарисованный портрет по праву занял бы место в золотой коллекции картин графа и его предков. Но художника в шатре не было, там были только военные. Проходило совещание и планирование битвы.

– ... Таким образом, господа офицеры, на поле боя мы будем располагаться следующим образом, – докладывал полковник эл Найт, командир гвардейской сотни, личной сотни, что была у графа. Последний его резерв. Центр – это две тысячи обученных пикинеров, все, что удалось собрать – наш главный щит. С ними непосредственно будут работать шесть сотен арбалетчиков, проходя сквозь строй, они прорежут волну орков, что пойдет на нас. За ними четыре сотни лучников. Что также будут, стреляя навесом, прореживать строй орков. Командовать ими буду я. С левого фланга около реки будут стоять наемники из числа гномов, эльфов и лю-

дей, также придадим в нагрузку шестой легион из закупов, для закрытия всего фланга.

Старший полковник эл Пресли посмотрел на стоящего рядом с ним немолодого усатого мужчину в таком же доспехе, как и у него. Тот в ответ коротко кивнул.

– Тяжелая конница атакует после того, как орки увязнут, легкая патрулирует, чтобы орки не зашли с фланга. Остался лишь один вопрос к нашим достопочтенным магам. Скажите, господин Рект, сможете ли Вы с вашими магами помочь нам?

– Мы никак. Такое ощущение, что вся степь пришла на нашу землю, шаманов столько, что мы не справляемся, они хоть и намного менее искусны, но их больше, уже три мага погибло. Осталось всего десять, это со мной и двумя стажерами – студентами. наших сил и умений хватит, чтобы защитить армию во время боя, но атаковать самим уже вряд ли.

– А где маги, которых мы просили в помощь у короля? Почему их нет? – возгласы слышались с разных мест. Хороший маг может реально помочь в бою, это знали все здесь присутствующие, они были опытными бойцами, особенно в связи с последними стычками с орками опыта явно прибавилось.

– Десять магов прибывают в составе легиона, это будет через декаду. Прибыли только двенадцать целителей. Так что лечить вас будут, – маг выглядел уверенно, он верил в себя,

в свои знания и своих людей. Защищать они смогут.

— Вопросы есть по плану? — присутствующие затихли, все смотрели на своего сюзерена. — Тогда свободны. Удачи нам всем.

Молча потянулись к выходу вооруженные офицеры.

Граф провожал их взглядом до последнего. Завтра будет сложный день, тяжелое испытание и дальше будет видно, выдержали они или нет. И ведь это еще так удачно получалось, в ином случае, орков пришлось бы долго искать в лесах графства.

Послы от орков. Это было что — то невиданное доселе. Как будто если бы лошадь заговорила и пусть плохо, но довольно понятно на мариде. И каковы наглецы, они стали требовать питание и золота. К счастью, граф не совсем выжил из ума, поняв, что перед ним немалые оркские чины, он просто над ними посмеялся, сказав, что если бы орки не прятались по углам, как крысы, то люди бы их разбили.

Ох, как они закричали, видимо, не раз и не два слышали от людей подобное. Брызгая слюной, старший из них, старый орк, все еще могучий воин, назначил бой на завтра перед городом на рассвете. Граф приказал сопроводить их до границы и что бы ни один волосок не упал.

* * *

Беспорядочное движение сотен порядком утомило меня, сколько уже можно. Казалось бы, уже давно все распределили, где, кто, когда стоит...

Ага, как же, построили легион, а для нашей сотни банально не хватило места, рядом уже построились коронные, а этих уже и не сдвинешь. Сержант замешкался вначале и все, место занято, где должны были стоять мы, стала четвертая сотня. Казалось бы, стой да радуйся, останешься в резерве. Но нет, тут эта фишка не прокатит, я уже слышал, как какой – то рыцарь обвинял нашего сержанта в трусости, да и нас заодно и обещал самый сложный участок дать.

Вот гад, сам тупит, места нам не обеспечил, а мы потом расхлёбывай своими головами. Лейтенанта нашего с нами не было, говорили, приказом вызвали в штаб. Жаль, он бы ваты не катал, да и голова соображает, он бы этого рыцаря послал и не поморщился. Нам указали место, причём не самое лучшее, между двух сотен гномов. Одни слева, другие справа. Все закованы в броню с головы до пят. На кольчугу, которая была на них одета, приделаны железные пластины на грудь, на предплечья, ну и наручи. Стиль этой брони мне понравился. По виду надежная и функциональная, в такой бы я чувствовал себя уверенно. Овальные щиты, короткие мечи на поясах и копья, как и у нас, метра полтора, только помассивней, по крайней мере, это то, что я увидел.

И я бы радовался и восторгался, если бы не понимал, что орки не полезут на гномов в броне, они полезут на нас, бездоспешных. Да и наши, не будь дураки, поняли, капралы, переговорив с сержантом, начали тасовать людей. Я стоял в сторонке, мое место – слева от десятка, и пока он не постро-

ится, мне там делать нечего, да и не позвали меня на это мини совещание, осталось только смотреть на этот цирк и дивиться людской тупости.

Шум, гам, толкотня, беготня, кто бы знал, как меня это все бесило, кто бы знал. Эти потерянные лица не только солдат – молодых и необученных, но и наших капралов. Окончательно меня добила слова одного из гномов.

– Эй, смотрите. У нас дети толковой этих дуралеев. Они ж, как стадо телят – такие же, – говорил он на Мариде. Специально, чтобы мы слышали.

Все гномы, находящиеся поблизости, обхохатывались. Капралы покраснели и начали еще больше суетиться, меняя людей непонятно как, так что строй просто распался. Коротко взглянув на гнома, вряд ли я его запомню, но он, гад, меня сильно разозлил. Посмотрев, как один капрал, кажется, Луп, поменял солдата два раза с первой шеренги во вторую и через минуту обратно, я окончательно взбесился. Щит висел на руке, взял в нее и копье. Схватил его за руку и прямо в ухо крикнул:

– Ты что делаешь, баран?! Что ты людей тасуешь, дай им построиться, хоть как – то выровняться. Наведи порядок в строю! – сначала он сбледнул с лица, но потом, увидев, кто перед ним, напрягся и выплюнул из себя:

– Ты! Стань в строй, а то я тебе плетей дам! Урод!

– Кто урод?! – короткий удар ладонью по шлему заставил его сползти. Схватил его за ворот поддоспешника и притянул

к левому плечу, где, не скрываясь, висел мой капральский шеврон. – Ты это видишь, баран? Я капрал, такой же, как и ты, а хочешь это оспорить, я тебя жду после боя в казарме, приходи, пообщаемся, – оттолкнул его от себя и растолкав солдат, что стояли предо мной, вышел вперед строя.

– Так, обезьяны тупорылые, становись! По пулам раз-БЕ-РИСЬ! Быстро! Быстро! Быстро! – командуя в манере лейтенанта, начал я.

– А ну, живо. Живей! – и отвесил мощную затрещину солдату, который явно потерялся и не знал, что делать. И что вам сказать, я всегда знал, что в армии нужна иногда для непонятливых крепкая рука старшего товарища и начальника, но здесь это буквально творит чудеса. Строй задвигался активнее. Приятно, что мой десяток построился быстрее всех, но это понятно, там был Лекс, а этот парень, несмотря на возраст, уже тут пользовался авторитетом. Всегда спокойный и рассудительный, не мечется, если нужно, что – то скажет так, что все слушаются. Молодец, парень.

Прошло минут пять, как все построились. Сразу после того, как люди начали разбираться, вышел капрал и попробовал качать права, но это я пресёк сразу, обматерив, не дав сказать и слова, и на чистейшем русском послал его на... Это мне понравилось, поэтому при построении я использовал, казалось бы, уже давно забытые русские ругательства.

Прав был мой ротный, однажды он сказал такую фразу: «Использование мата командиром во время каких – либо

действий, увеличивает информативность его речи в три раза». Построиться мы построились, но криво и как – то безобразно. Какой – то кривой лес. Толстый стоит в одной шеренге с тощим, высокий с низким. А в голове у меня только одно: «Все должно быть безобразно, но однообразно». Тогда поступим так.

– Третья рота! Слушаем меня внимательно! Наша задача будет удержать врага и не дать себя опрокинуть! – на самом деле нашей задачи я не знал, но вряд ли мы будем наступать. Скорее, сдерживать врага. – Поэтому в рядах, кто имеет большой вес или силен, становится в первую шеренгу, – помня предыдущее сражение, какие орки сильные и большие решил, что шеренга должна быть плотной и тяжелой. Ну а вторую и третью шеренгу поставил по росту. Те, кто пониже – во вторую, те, кто повыше – в третью. Конечно, пришлось переставлять многих, но и так ничего. – Теперь выравниваться! Давай по одной линии, а то стоите как бык поссал!

– Теперь щитом! Бей! – один из немногих ударов, что мы освоили. Потом тренировка второй шеренги бить из – за спин. Покомандовать мне не дали, пришел со штаба лейтенант. Он пришел с командиром гномов, таким же полностью закованным в броню, как и его подчиненные, разве что доспехи все же побогаче, да с гравировкой какой – то.

– А твои – то не полные неучи, все же построились. Хоть и как дети, у нас так до десяти лет строятся, когда их учить начинают только – только строй формировать, – хохотнув,

сказал он.

Из строя гномов попытались посмеяться. Но он так цыкнул на них, что они позатыкались. Видно, строгий командир. Пожал руку лейтенанту и пошел к своим. Этот родной жест я не видел уже давно, обычно здесь, когда люди здоровались, брали друг друга за локти. От размышлений меня отвлек командир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.